

Во льдах «холодной войны» появи-
лись первые трещины,

Н. С. ХРУЩЕВ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Зима только начинается, а санный путь уже стал опасным.

КРОКОДИЛ

Отклики (на реплики) и реплики (на отклики)

Разрешите представиться: Иван Штемпелюк. Дежурный крокодильский почтальон. Доставляю Крокодилу в толстой сумке на ремне письма и бандероли, телеграммы и посылки. В общем, корреспонденцию.

Вчера у меня был приятный рабочий день: я принес Крокодилу письма, которые его особо интересуют. А точнее, отклики на опубликованные фельетоны и заметки.

У нас с Крокодилом так повелось: когда я приношу такие письма, он тут же просит меня распечатать их и зачитать. А так как фельетоны Крокодила я знаю неплохо, то мне никакого труда не составляет вспомнить, о чем там идет речь.

Сейчас я тебе, дорогой читатель, по памяти воспроизведу нашу вчерашнюю беседу.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

— Ты писал, товарищ Крокодил, в номере 25-м о выходе в свет блистательно оформленного и богато иллюстрированного проспекта. Всеми доступными современными полиграфическими средствами этот проспект рекламирует лампы керосиновые. Он так и называется: «Лампы керосиновые». Выпущен десяти тысячным тиражом. Издатель — Росглавкоопхозторг Роспотребсоюза.

— Помню. Заметка называлась «В блеске молний». И что же нам пишут?

— Пишет зампред правления Роспотребсоюза тов. С. Котов. Сообщает, что за излишества в оформлении проспекта заместителю начальника Росглавкоопхозторга тов. А. Белякову объявлен выговор.

— Но, помнится мне, в заметке говорилось и об излишествах в выпуске самих ламп. Кажется, речь шла даже о десяти миллионах штук, покоящихся без движения на складах и в магазинах.

— Товарищ Котов и на это ответил: «Приняты меры к усилению торговли лампами».

— Это очень любопытно, — сказал Крокодил. — Перед нами яркий, как коптящий фитиль, пример нежной заботы о нуждах современного покупателя. Не хочет покупатель брать эти лампы. Тогда с ним поработают, разъяснят ему преимущество керосинового освещения перед электрическим — глядишь, он и купит. Это называется, видимо, «усилением торговли».

АХ, ЭТИ ГРУБЫЕ СЛОВА!

— А вот сразу два письма из одного источника. Пишет тебе управляющий Государственным союзным трестом передвижных электростанций товарищ В. Прохоцук. Первое письмо датировано восьмым октября, второе — двадцать шестым. Это ответы на заметку «Случай в гостинице», опубликованную в том же 25-м номере журнала:

— Как же, не забыл! Некоторые члены бригады Московского наладочно-ремонтного предприятия этого треста налаживали в городе Поставы не столько энерго-

поезд, сколько свои взаимоотношения. При этом чрезмерно увлекались горячительными напитками. Была ругань, были драки. Но почему же два письма?

— А вот почему. В первом товарищ Прохоцук сообщает, что заметка была вполне правильная и за содеянные грехи одного члена бригады уволили с работы, а двух других строго наказали и в административном и в партийном порядке.

— Что ж, видимо, поделом им!

— Да, но зато во втором письме тот же товарищ Прохоцук делает крутой поворот. Он пишет, что выражение «кучка пьяниц и дебоширов», которое было в твоей заметке, «незаслуженно дискредитирует весь коллектив предприятия».

— Позволь, уважаемый Штемпелюк, но ведь сам коллектив предприятия и наказал по заслугам именно эту кучку пьяниц и дебоширов! Что же хочет от меня товарищ Прохоцук?

— Он просит тебя «принять соответствующие меры».

— Пусть будет так, — заключил Крокодил. — Сегодня же обращусь к нашим языковедам с покорнейшей просьбой не позднее чем к следующему понедельнику изгнать из русского языка слова «пьяница» и «дебошир». И придумать вместо них этикие ласкающие слух. Тогда мы с товарищем Прохоцуком наверняка найдем общий язык.

ПООБЕДАТЬ, НО НЕ ТОЛЬКО В САПОЖОК

— Ты напечатал, дорогой Крокодил, в своем 27-м номере фельетон «В Сапожок, пообедать!». Там шла речь о неполадках в организации общественного питания на Рязанщине. И вот уже ответ из Рязанского облисполкома.

— Это очень приятно.

— И само письмо очень приятное. По этому фельетону приняты крепкие меры. Организована широкая проверка всех предприятий общественного питания области. Проведены семинары с поварами. И даже созвано областное совещание работников об-

щественного питания, на котором присутствовало более 400 человек. А самые опытные повара направлены в отстающие сельские районы, чтобы улучшить там дело. Это прямо по почину Гагановой!

— А как с теми, кого мы упомянули в фельетоне?

— Поваров Маринина, Борисова и заведующую столовой Рыбкину сняли с работы.

— Что ж, друг Штемпелюк, — сказал Крокодил, — это, видимо, огорчило упомянутых работников общественного питания. Зато это наверняка порадовало их клиентов.

МОЛЧАНИЕ — ЗНАК СОГЛАСИЯ?

— А еще, товарищ Крокодил, подцепил ты на вилы зодчих, воздвигнувших такие оригинальные жилые дома в Запорожье, что мебель новоселам приходится втаскивать через окна. Заметка об этом, опубликованная в номере 23-м, называлась «Караул, падает!».

— Помнится, там очень уж узкие коридоры.

— Верно. Но, оказывается, не одни запорожские новоселы въезжают в новые квартиры через окна. Вот два письма — из Управления главного архитектора Запорожья и из областного отдела по делам строительства и архитектуры. Оказывается, такие дома строятся по типовому проекту, утвержденному Госстроем СССР.

— А что же Госстрой?

— От него пока никаких писем нет.

— Если это молчание является знаком согласия, то я хотел бы знать: согласия с чем? — задумчиво спросил Крокодил и добавил: — А не задать ли этот вопрос самому Госстрою?

ЧТО ЕСТЬ ЗНАМЯ?

— Ха-ха-ха!

— Я рад за тебя, дружище Штемпелюк. Смех полезен для здоровья.

— Но это, черт побери, действительно очень смешно!

— В чем же дело?

— Ты сообщал читателям в номере 20-м о том, как коллективу чирчикского управления «Водоканализация» было присуждено первое место и переходящее красное знамя по итогам соревнования, и о том, что Ташкентский областной комитет профсоюза рабочих местной промышленности и коммунального хозяйства предложил чиркицам купить такое знамя за наличный, так сказать, расчет, дабы вручить его самим себе. Что и было ими сделано.

— Да, припоминаю такой случай. И, кажется, потом это знамя обком профсоюза потребовал передать другому предприятию?

— Именно так. А теперь послушай, что пишет по этому поводу

председатель Ташкентского облсовпрофа товарищ С. Мусаев: «В настоящее время знамя... передано на баланс треста Водоснабжения и Газификации».

— На баланс! — воскликнул Крокодил. — Это очень вдохновляющее, очень мобилизующее выражение. Оно зовет, волнует, устремляет, нацеливает. Стоит представить себе, как вручается это знамя победителям! Оркестр играет туш, материально ответственное лицо зачитывает выписку из инвентарной описи, составляется акт о передаче знамени... М-да, все это очень-очень вдохновляет! Но, может быть, товарищ Мусаев шутит?

— Нет, дружище Крокодил, это — вполне официальное письмо. Товарищ Мусаев даже сообщает, что «Президиум облсовпрофа принял меры по недопущению подобных случаев в дальнейшем».

— Да, — сказал Крокодил, — это — мудрое решение. И вообще надо бы принять меры по недопущению такого бы то ни было ополнения соревнования. Это хоть и не совсем складно сказано, но, думаю, по существу верно.

А НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОТОЧНЕЕ?

— Кстати, о мерах. В номере 22-м ты, Крокодил, оповестил читателей о бедственном положении, в котором оказались 25 инкубаторов, изготовленных Луганским комбинатом производственных предприятий № 2. Они лежали, бедные, на складе и поэтому ни одного цыпленка за многие месяцы не высидели. И вот письмо, подписанное секретарем Луганского горкома партии тов. А. Крамаренко. В нем говорится, что инкубаторы «остались незавершенными», но что «в настоящее время Луганский совнархоз принимает меры для окончания изготовления этих инкубаторов, после чего они будут отправлены в колхозы и совхозы».

— Это — хорошее сообщение, — сказал Крокодил, — но довольно туманное. Когда же именно эти инкубаторы помогут самоотверженным хохлаткам и пеструшкам выполнять производственные задания? И если инкубаторы, как цыплят, по осени считают, то ведь сейчас как раз осень... Я замечаю, что отклики и реплики на некоторые мои выступления бывают похожи на... Подскажи-ка это слово, друг Штемпелюк.

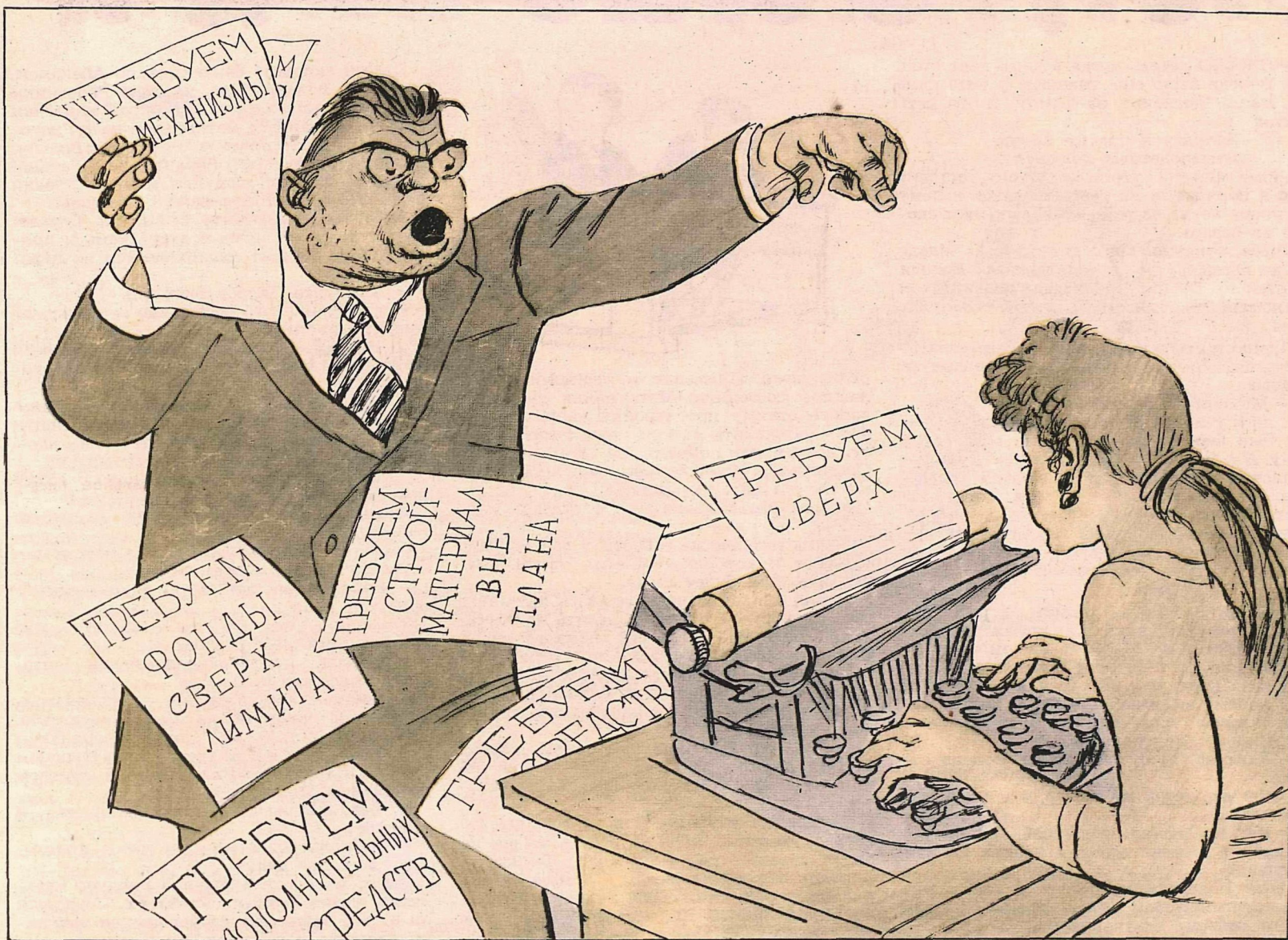
— На отписки?

— Нет, это, пожалуй, слишком сурово. А впрочем, может быть, и в самый раз...

Вот, дорогой читатель, в таком духе мы вчера с Крокодилом и поработали. И будем делать это регулярно, время от времени. Так что до скорого свидания.

К сему ИВАН ШТЕМПЕЛЮК, дежурный крокодильский почтальон

Требовательный начальник.

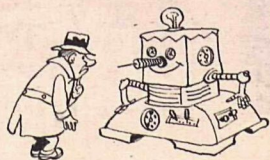

Побыв в соседнем цехе как-то,
 Конструктор был сражен неожиданным фактом.
 — И скоры же вы, брат!
 Уже внедрили электронный автомат!
 А я им только любовался за границей,
 Он в автоматике стал новой страницей.
 Вы показали класс!
 — Но создан он у нас,
 И нами же показан был в Брюсселе.
 — Неужто наш он! Наш!
 — Вот не знал доселе!
 Я вдаль за ним летал, а он был рядом тут.
 — Не боги автоматы создают!

Иному знатоку велел бы я учесть:
 — Ты, прежде чем бывать в далеких странах,
 Знай, что в соседнем цехе есть!

М. ВОЛОВИК

г. Уфа.

ШЕРЛОК ХОЛМС СО СТАНЦИИ РИГА-ТОВАРНАЯ

НАЧАЛАСЬ эта история по всем правилам и канонам остросюжетного детективного романа.

...Со станции Клайпеда на станцию Сельд, Куйбышевской железной дороги, был отправлен контейнер с плюшем клайпедской фабрики «Гульбе» общей стоимостью около полутора-ста тысяч рублей. В районе Риги он неожиданно... исчез. Бесследно. Как дым, как утренний туман.

Первым обнаружил пропажу и забил тревогу начальник станции Сельд. Что за притча! Накладная на плюш пришла, а самого плюша нет. Неужто украли?!

Паническая телеграмма летит в Клайпеду, Клайпеда шлет не менее паническую телеграмму в Ригу.

Где контейнер? Нет контейнера.

Прочел телеграмму заместитель начальника станции Рига-товарная тов. Штейн, сказал многозначительно «Гм!», снова перечитал ее и снова сказал «Гм!».

«Ладно,— подумал он,— разыщем пропажу! Дедуктивным методом будем искать, как Шерлок Холмс».

И в сопровождении «доктора Ватсона» — заведующего контейнерной площадкой Кацевмана — бесстрашно ринулся на поиски контейнера.

Месяцев пять спустя тов. Штейн с горечью убедился, что на этот раз хваленый метод дедукции дал осечку. Контейнера нигде не нашли.

— Должно быть, его и не было,— пришел к выводу новоявленный Шерлок Холмс.— Сообщу-ка я в Клайпеду, что, мол, контейнер под номером 265145 на станцию Рига-товарная не поступал.

Получатели груза не успокоились и обратились в железнодорожную милицию. Сотрудник милиции, взяв на себя функции агента по розыску пропавших грузов, прибыл на станцию Рига-товарная. Через несколько минут он подвел Штейна к одному из стоящих на площадке контейнеров.

— А это что?

Сконфуженный Шерлок Холмс недоуменно развел руками.

— Фантазмагория какая-то! Представьте, тот самый контейнер с плюшем! И как же мы его не заметили?!

Да! Измельчал Шерлок Холмс за последние семьдесят лет!

Н. ЛАРИН

ТОТ, КОГО ОН ИСКАЛ

ТЯЖЕЛО детям, когда в доме поет отец. Володе было еще тяжелее: у него пила мать. Выскочит на улицу и ну петь песни:

Запрягу я тройку карих,
Быстролетных лошадей...

Уйдет Володя утром в школу, оставит дом в порядке, а на третьем уроке к нему на парту летит из окна записка: «Беги скорее на базар».

Учебке, конечно, приходит конец. Володе не до алгебры, не до синтаксиса. Володя мчит на базар. Уже издали слышит он знакомый надтреснутый голос: «Запрягу я...».

Парню и стыдно и горько, но что делать? Мать Володя подходит к ней, дергает за платье:

— Мамочка, я за тобой. Пошли.

А ноги у мамочки не идут, подламываются. Сын берет мать под руку, ведет ее к дому. А в дверях уже стоит отчим. Кустарь-одиночка. Он тоже в приподнятом состоянии. Но отчим не поет. Отчим, когда выпьет, любит вести обстоятельные беседы.

Володя вводит мать в комнату, снимает с нее жакетку, укладывает спать, а отчим предусмотрительно закрывает дверь щеколдой.

— А ну, Володька, садись, я расскажу тебе, почему хороший сапожник должен сучить драгву не варом, а воском.

Володька слушал этот рассказ раз сто. Володька послушал бы его и в сто первый раз, но ему некогда: вот-вот в школе начнется пятый урок, на котором нужно быть обязательно: контрольная.

— Дядечка, пустите! — молит Володя отчима.

А тот держится за щеколду и ни в какую:

— Нет, ты сначала послушай. Принес тебе, значит, клиент сапог, а каблук на нем стоптан...

Когда Володька прибегает в класс, там уже полным ходом идет урок. Учитель строго смотрит на ученика:

— Почему опоздал?

Сказать учителю правду Володе стыдно: ну как жаловаться на родную мать, на отчима?! И Володя только жалко улыбается:

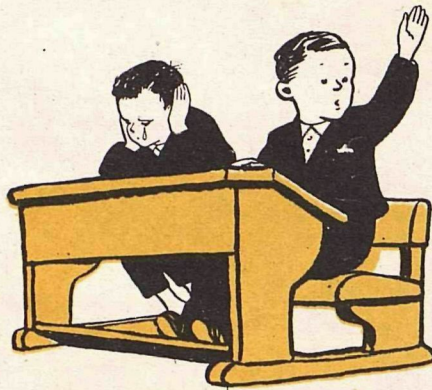
— Простите, я не слышал звонка.

Володя улыбался, а жить ему было невмоготу: домашние опускались все ниже и ниже. Работали они мало, пили много. Чтобы добыть денег на водку, мать продала всю мебель: столы, стулья, кровати. Вслед за мебелью на базар пошла одежда. Мальчику приходилось спать, не раздеваясь, чтобы мать не унесла ночью ботинки. А она изловчилась, сняла их со спящего и продала шинкарке. Володе пришлось идти по осенней грязи в школу в опорках. Учительница вызывает его к доске, а он в слезы: ну как идти ему так по классу?! Мария Михайловна волнуется:

— Что с тобой?

А в ответ молчание. Отмолчаться, однако, Володе на этот раз не удалось. Товарищи все рассказали.

В тот же день Мария Михайловна отправляется к Володе домой: поговорить с

родителями. Приходит, а родители в блаженном состоянии. Мать никак не может допеть отчиму про «тройку карих», а отчим — объяснить матери, «чем сучить драгву, воском или варом». Не дом — бедлам. Оставлять в этом доме мальчика было нельзя ни дня, ни минуты.

Мария Михайловна так и сказала пьянцам:

— Мы сегодня же заберем у вас Володю!

— Вот и хорошо! — ответил отчим. — Забирайте. Нам будет легче.

Мария Михайловна пыталась заставить мать Володи и его отчима давать на воспитание мальчика хотя бы немного денег. Они отказались. Учительница обратилась за помощью к прокурору Адушкину. Но пойдти возьми что-нибудь с хозяйных сапожников: они что ни заработают, то тут же и пропьют.

— Если бы был жив мой папа! — сказал Володя Адушкину. — Мой папа! Это не отчим, не мама. Мой папа — настоящий человек!

Настоящий человек! Володя говорит это твердо, уверенно, хотя ни разу в жизни не видел своего отца. Александр Денисович Баранов был мобилизован в армию за два месяца до рождения сына. Уехал он и словно в воду канул. Ни вестей от него с тех пор, ни писем. Мальчик жил сначала в доме матери, потом в детском доме, а когда мать вышла замуж вторично, — в доме отчима. Жил, рос и ждал. Кончилась война. К соседским мальчикам давно вернулись отцы, а к Володе — все нет и нет. И Володя решил, что его отец погиб смертью храбрых.

Володя говорит, погиб, а прокурор Адушкин слушает Володю и думает: «А может, жив?» Если бы отец Володи погиб, то дома давно было бы получено извещение.

И вот, не говоря Володе ни слова (зачем преждевременно будить в душе у парня надежды?), Адушкин начинает розыски. Он пишет первый запрос, за ним второй, третий... Адушкин направляет свои письма центральным, областным и районным организациям и всех просит: «Дорогие товарищи, будьте добры! Посмотрите в свои списки. Поищите, не значится ли в них А. Д. Баранов».

Легко сказать: поищите! Барановых в каждом городе тысячи. Попробуй найди среди них нужного! И хотя поиски не дают пока положительных результатов, Адушкин не теряет надежды, он продолжает посылать свои письма: «Дорогие товарищи, будьте добры...».

Призыв прокурора из Абакана нашел сочувственный отклик во многих сердцах. Мужчины, женщины, комсомольцы, пенсионеры — они не только листали списки. Они ходили по домам, спрашивали, искали. Трудно сказать, в какой другой стране судьба простого, никому не известного паренька могла бы тронуть, взволновать такое большое число людей! Поисками Володино отца занимались как доброты, так и официальные лица и учреждения. Адушкин втянул в розыски райкомы ВЛКСМ, отделения милиции, адресные столы, военные комиссариаты.

Двести запросов было сделано Абаканом. И отец Володи был найден. Работники Одесского военкомата, перебирая карточки демобилизованных, наткнулись на ту, которая так долго пряталась от всех. Вот он, бывший интендант Баранов из Абакана! Радуйся, Володя, радуйся и ты, Володин папа! Пришел конец вашей разлуке.

Работник военкомата бежит на Туристскую улицу, стучится в дверь дома и прямо с ходу говорит появившемуся на пороге мужчине:

— Танцуйте! Вовка нашелся!

А у мужчины это сообщение не вызывает никаких эмоций.

— Вовка, ваш родной сын! — пытается втолковать Баранову вестник из военкомата.

А Баранов словно сделан из дерева. Даже не улыбнется. Баранову помогли найти сына, а он не спросил, где этот сын, здоров ли он, как выглядит.

— Нашелся, и хорошо. Зачем по этому поводу стучать в двери?

Вестник из военкомата еще на что-то надеется. Он спрашивает:

— Вы поедете в Абакан? Мы можем достать вам билет на самолет.

А Баранов кидает вверх двугривенный: орел или решка?

— Решка, — говорит он. — Значит, мне ехать в Абакан не судьба.

— Хорошо, не езжайте в Абакан. Вызовите сына сюда, в Одессу.

Баранов вторично кидает вверх двугривенный. И снова решка. Снова не судьба.

Баранова приглашает для разговора военком, к его сознанию адресуется в большом письме Адушкина: «Ваш Вовка в трудном положении. Помогите!»

А Баранов слышит слово «помогите» и говорит:

— Платить алименты за грехи молодости?! Нет, это дудки!

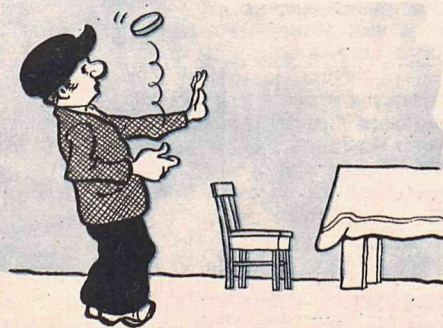
Грехи молодости! Сначала Баранов искалечил жизнь Володиной матери. Поддержки он в свое время эту слабовольную женщину письмом, вернись из армии домой, глядишь, и ее судьба сложилась бы по-хорошему. А он кинул вверх монету и вместо того, чтобы ехать к семье в Абакан, поехал в Одессу.

Искалечив одну жизнь, Баранов калечил теперь вторую. Ему бы подумать о судьбе сына, проникнуться отцовским чувством, а он, как и в прежние годы, решил судьбу человека двугривенным: орел или решка?

Два года абаканцы всем миром искали отца Володи, беспокоили уйму людей и организаций. И вот Баранов найден (он работает в Одессе на железной дороге), а сказать об этом Володе нельзя.

Володя, конечно, не пропадет, не погибнет. Добрые советские люди приютили его, приголубили, помогают окончить школу. И единственно, чего не сделали эти люди, — они не сказали парню, что отец его жив. Зачем напрасно ранить сердце сына? Пусть сын думает, как и думал, что его отец — настоящий человек, а этот — не его. Этот ничей. Этот чужой.

Сем. НАРИНЬЯНИ

СТО ЖЕНЩИН

И ОДИН МУЖЧИНА

МЕДЛЕННО поднимается тяжелый бархатный занавес... Утренняя заря рассеивает ночную мглу. Взору открыты просторы хлопковых полей. Солнце едва взошло над горами Боздага, а звено сборщиц во главе с красавицей Гюльшен уже трудится на колхозном поле. Гюльшен — всеобщая любимица. Все мужчины — лихие джигиты и престарелые аксакалы — считают своим долгом заботиться о ней.

Появляется почтенный председатель колхоза Асад-киши. Он учтиво здоровается с Гюльшен и сообщает, что привел с собой самых сильных и ловких юношей артели — пусть и они поработают на уборке. За спиной председателя, словно из-под земли, вырастает отряд молодцов.

— Подружки милые! — раздается в зале чей-то притглушенный шепот. — Смотрите, парни на хлопке! Вот чудо!

Прекрасная музыка пленяет зал. Вальсы, вариации, адажио. Пируэт следует за пируэтом, пляска за пляской...

Посмотрев в Баку талантливый балет «Гюльшен», посвященный мингечаурским хлопкоробам, молодые колхозницы отправились к себе в Мингечаур, на берега Куры, туда, где трудится их подружка — красавица Гюльшен.

...Солнце уже давно взошло над пестрым ковром хлопковых плантаций. Но безлюдно вокруг. Лишь кое-где мелькают одинокие фигуры сборщиц. Среди них и Гюльшен. Ловкие, проворные руки привычно выбирают из коробочек пушистые белые дольки.

Уже немало часов провели в поле подруги, но напрасно оглядываются они на пыльную дорогу.

— Нет, не идут к нам на помощь удалые усатые молодцы из нашей бригады! — хмурится Гюльшен.

— Не видно что-то и приветливого председателя Асад-киши, — говорит другая сборщица.

В обиде не только Гюльшен и ее подруги.

— Мужчин сюда халвой не заманишь! — с горечью жалуется Гюлли Ахмедова. — Наши гордецы в папахах считают, что работать здесь, рядом с женщиной, — унижение.

— Погрузить бы наших джигитов на автомашины и отправить в культпоход на балет «Гюльшен» ума-разума набираться! — в сердцах говорит колхозница Шахбаз Сулейманова. — Даже юноши, подражая прадедам, стороной обходят хлопковые поля. Взять хотя бы Мамеда Мустафаева: за весь сезон не собрал и килограмма хлопка...

— Неужели не собрал? — удивился комсорг этого колхоза Хузи Ахмедов. — Мы обсудим его поведение на комсомольском собрании.

— Как твое слово приятно и сладко! — обрадовались девушки и стали с нетерпением ждать событий.

«Чем Мамед хуже других? — мучительно думал все эти дни комсорг, неосмотрительно пообещавший обсудить поведение Мамеда на собрании. — Еще никто из колхозных комсомольцев не посрамил мужской чести, не надел фартука сборщика хлопка». Результат этих раздумий оказался для женщин колхоза самым неожиданным. С собрания Мамед уходил довольный и счастливый: его перевели на мужскую работу — сторожить хлопок.

Не в пример Мамеду Мустафаеву в соседнем колхозе имени Энгельса два дружка, Шахир Мусаев и Тофур Новрузов, вдруг вышли собирать хлопок. Богатыри, которым под силу одной рукой нагруженную арбу опрокинуть, собрали в... карманы и папахи по полтора — два килограмма хлопка, в десять раз

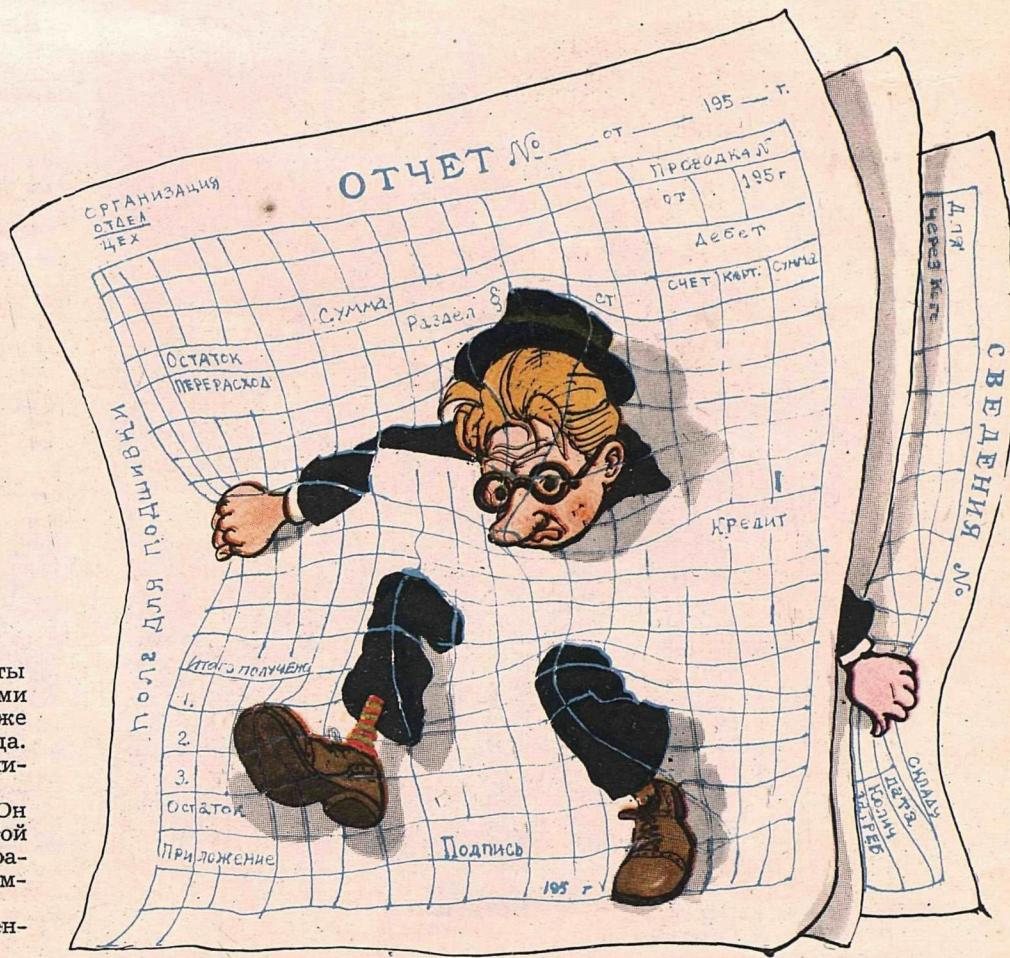

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Запутался...

меньше, чем подростки-школьники. А после столь напряженного труда отправились в чайхану.

В чайхане селения Халдан уже в полдень свободных мест не бывает. Молодые, рослые парни наперегонки разносят таким же молодым и рослым горы стаканов с янтарным, душистым чаем.

— Что это за люди? — спросили мы чайханщика, самодовольного толстяка в засаленном халате.

— Наши люди, колхозные.

— Разве уборка хлопка закончилась?

— Или мы уже не мужчины, не киши, чтобы убирать хлопок? Не мужское это дело! — вмешался в разговор человек в каракулевой папахе, которого все за столитом называли Джангиром.

— Какой же труд вы считаете мужским? Джангир ужмыльнулся.

— Заведовать магазином или складом, работать весовщиком или учетчиком. Для нас и на хлопке подходящая должность найдется. Например, хырман.

— Хырман? Сырец сушить, да мешки латать. Хороша мужская работа! — перебил его кто-то. — На хырмане любая ханум управится.

Мало колхозников в эти страдные дни на хлопковых полях. Зато много их на базарах и в чайханах Мингечаурского района. Одни торгуют птицей, фруктами, другие — циночками, венками собственного производства, третьи часами засиживаются за стаканом чая. Зачем им торопиться? Жены, матери, сестры, дочери трудятся за них, убирают урожай.

На выручку Гюльшен города шлют студентов, рабочих и служащих. Но и это не спасает положения. Медленно, очень медленно убирается хлопок.

По утрам в Мингечауре начинается телефонный перезвон.

— Сколько хлопка собрал вчера, товарищ уполномоченный? — спрашивают М. Юсубова, прикрепленного к колхозу имени Ази Асланова. — У тебя, слышать, успехи: мужчин на уборку организовал!

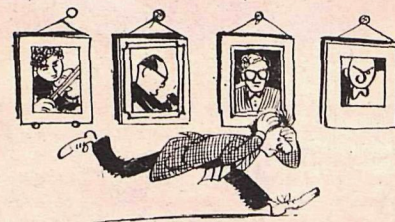
— Какие там успехи! Как в кино, только наоборот: сто женщин и один мужчина.

О том, что некоторые мужчины в азербайджанских колхозах считают унижением для себя собирать хлопок, не принято говорить ни в районе, ни в республиканском центре. Тема эта словно окутана чадрой молчания. Может быть, поэтому так и живуч в наше время этот стародавний порочный обычай — целиком поручать сбор хлопка женщинам.

Но не пора ли по-настоящему помочь Гюльшен?

Баку — Мингечаур — Халдан.

Г. ОСИПОВ

СУДЬБА

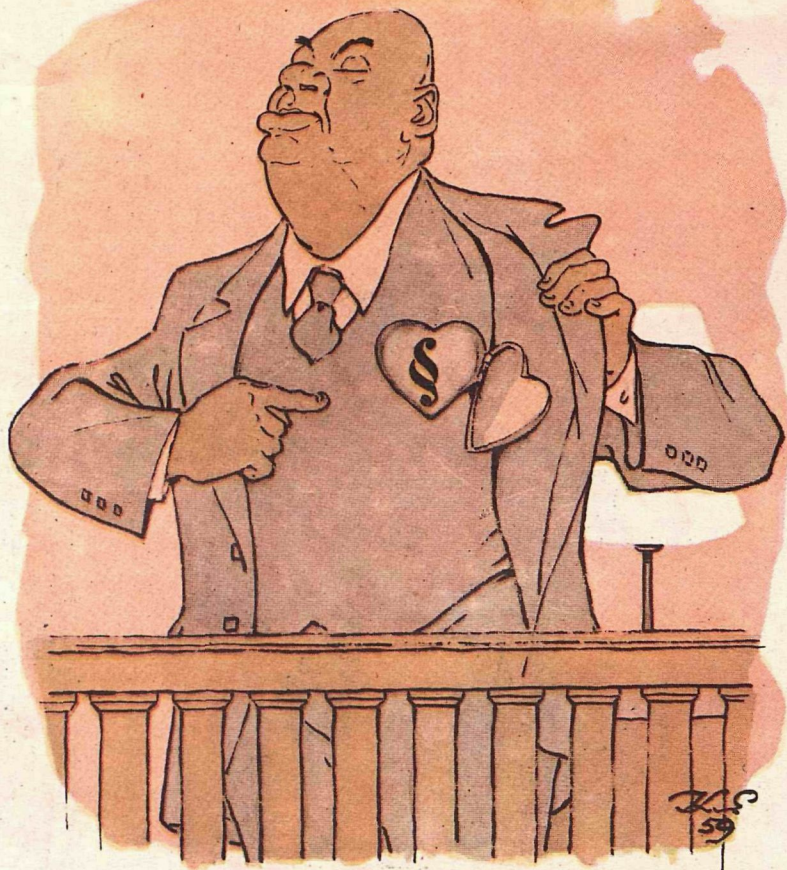

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Бездушный.

ЕСТЬ люди, которых всегда с кем-нибудь сравнивают. Я принадлежу к числу этих несчастных. В детстве мне было известно, что я как две капли воды похож на знаменитого в те годы вундеркинда Бусю Гольдштейна; в юности мне радостно сообщали, что со спины я вылитый Шостакович, в профиль — Ботвинник, а если взглянуть вечером, не зажигая света, то в первую минуту меня можно принять за одного крупного государственного деятеля, имени которого я из скромности не назову... И так всю жизнь!

Когда-то, не скрою, сравнения со знаменитостями доставляли мне удовольствие. Потом это стало надоедать. А с некоторых пор я начал испытывать к знаменитым людям глухое недоброжелательство, хотя понимаю, конечно, что они не виноваты ни сном, ни духом.

Меня зовут Сергеем. Поэтому я не испытываю особого восторга, когда на улице незнакомые прохожие бросаются ко мне в объятия с приветственным кликом: «Костя, старик!.. Сколько лет, сколько зим!..» — или что-нибудь в этом роде.

По специальности я экономист и в своем деле добился определенных успехов. Мне принадлежит ряд трудов по организации складского хозяйства. Недавно на совещании я увидел, как двое моих коллег, стоя у книжного киоска, перелистывают мою последнюю книгу. Я незаметно подошел, чтобы услышать их мнение. Один говорил другому:

ВИКТОР Авксентьевич Перепелкин родился в Гнилушках. А если говорить точнее, то в Средних Гнилушках.

Дело в том, что Гнилушек, собственно говоря, было три: Нижние, Средние и Верхние. Они располагались по круто падающему вниз ручью и получили свои наименования в точном соответствии с занимаемым ими положением относительно уровня моря: те, что приютились у не просыхавшего никогда болотца, — Нижние, те, что повыше, — Средние, взгромоздившиеся на крутояр — Верхние. Так вот, Виктор Авксентьевич был рожден именно в Средних Гнилушках и очень этим гордился.

Можно смело сказать, что любовь к родному месту Виктор Авксентьевич всосал с молоком матери. Да и могло ли быть иначе, если его вывезли из Гнилушек грудным ребенком, когда отец Виктора Авксентьевича — дерзвенский кузнец — переехал в Москву и устроился здесь сначала дворником, а потом угроздомом!

Первое время Перепелкины тосковали по Гнилушкам. Но потом воспоминания о звонко-голосом лягушечьем царстве и хилых огородах быстро уступили новым впечатлениям и стерлись окончательно. И когда к Перепелкиным случайно заезжал кто-нибудь из деревенских, то они воспринимали их рассказы о Гнилушках как о неведомом и далском царстве-государстве.

Перепелкины стали коренными москвичами. Лишь малолетний Витя по-прежнему оставался гражданином Гнилушек. Странное дело: по мере того, как все шире в плечах становился вскормленный московскими хлебами мальчик, глубже и прочнее гнездилась в нем привязанность к родным пенатам. Им он вверял свои думы...

Писать Виктор Авксентьевич начал рано. Еще будучи школяром, он сочинил стихи, которые содержали следующие строки:

Вот когда я жил в Гнилушках,
То объелся я галушек...

Стихи очень понравились преподавателю литературы, половичу по происхождению; он ставил их всегда в пример ребятам, когда говорил о патристической теме в литературе. Юный поэт при этом мучительно краснел, так как толком не знал, что за такая еда — галушки, как, впрочем, не знали этого и его сверстники — московские школьники и школьницы.

Тем не менее первый наивный поэтический опыт сыграл решающую роль в определении характера творчества Виктора Авксентьевича.

Действие крупнейшей его трилогии, «В осях», происходит в Гнилушках. Им также посвящено несколько рассказов и повестей Виктора Авксентьевича.

Но не будем забегать вперед.

На первый же свой крупный гонорар Виктор Авксентьевич предпринял поездку в Средние Гнилушки. Хотелось ему подышать родным воздухом, окунуться в родную природу, собрать материал для большой вещи... Существовала и затаенная мысль, которую он никому не высказывал вслух. Хорошо бы встретить девушку — румяную, с глазами цвета небесной лазури и русой косой. Какой бы это был чудесный брак: он и она из Гнилушек, так сказать, от одного корня!

Но на родине, куда Виктор Авксентьевич с трудом добрался с железнодорожной станции, его встретила древняя старуха. Она долго не могла понять, чего от нее хотят:

— Средние, говоришь, милоч? Да вот мы и есть со стариком самые средние, с обоих краев от нас одна пустота. Кончились, милоч, Гнилушки, совсем кончились. Пора и нам к внучатам перебираться...

Расположенные в свое время вблизи бойкого почтового тракта, Гнилушки захирели, когда асфальтированное шоссе проложили по новой трассе, значительно левее. Не стало доходного извозного промысла, и люди начали разбредаться кто куда. Нет, не в Гнилушках теперь нужно было искать синеокою красавицу!

Вопреки ожиданию Виктор Авксентьевич не поник головой, не разочаровался. Наоборот, он возвратился в столицу бодрый, полный больших замыслов.

— Вот побывал в родных Гнилушках, — рассказывал он друзьям, — и теперь сажусь за письменный стол. Сколько впечатлений, какие люди! А женщины!.. Встретил там одну — кровь с молоком, богиня! И юна, как только что распустившийся полевой цветок!

То, что Виктор Авксентьевич сбрасывал своей единственной собеседнице по крайней мере пятьдесят лет, было в порядке вещей. Ведь художнику слова никто не может отказать в праве на особое, писательское видение людей и событий!

И все-таки Виктор Авксентьевич иногда с грустью думал о неудавшемся замысле

Гражданин

устроить свою личную жизнь. Впрочем, скоро наступило утешение и по этой линии. Недоучившуюся певицу звали Ольга Юрьевна. Она родилась и выросла в Бендерах, но, не будучи такой щепетильной, как Виктор Авксентьевич, говорила всем, что ее родина — Кишинев. Словом, брак получился вполне счастливым.

Шли годы. Виктор Авксентьевич становился маститым писателем, крепло перо. Крепчала и тема Гнилушек в его творчестве. Виктор Авксентьевич завел трилогию, завел глубоко, с пореформенных времен. В центре повествования, показывающего распад семейных отношений под влиянием социальных условий, стояла синеокая Мариша. Трилогия, как и полагается в таких случаях, писалась неторопливо. К началу Великой Отечественной войны Виктор Авксентьевич благополучно довел действие до двадцатых годов, как раз до того времени, когда его родитель продал за бесценок свою кузницу с давно остывшим горном. Иногда Виктор Авксентьевич откладывал трилогию, брался за рассказ, повесть.

Писал он в разных местах: Коктебеле, Малевке, Переделкине, а чаще всего на своей московской квартире у Чистых прудов. Но под каждым своим новым произведением всегда ставил один и тот же адрес: Гнилушки.

Съездить еще раз в родные места Виктор Авксентьевич больше не отважился: его пугала перспектива увидеть родное гнездо совсем разоренным. Не хотел он мириться с мыслью, что остановилась жизнь в Гнилушках...

Однажды в книжном магазине на улице Горького ему попалась брошюра «Кормовое значение осоки в условиях увлажненных почв», где упоминались кочковатые гнилушкинские луга, сплошь заросшие осокой. Виктор Авксентьевич немедленно купил весь личный тираж, чем привел заведующего секцией в немалое изумление. Потом он дарил брошюру знакомым:

— Ну как же вы его не знаете? Даже странно. Его все знают. Он же второй Тарапунька!..

И я на цыпочках отошел.

Ума не приложу, как мне удастся быть похожим на людей, которые друг на друга совершенно не похожи? Думаю, что этой загадке суждено остаться неразгаданной.

Когда я с кем-нибудь разговариваю, я безошибочно угадываю по бессмысленному блеску в глазах собеседника, что сейчас он с таинственным видом у меня спросит:

— Скажите, вам не говорили, что вы поразительно похожи на Лемешева?..

Да, говорили. Мне говорили это. Мне это тысячу раз говорили! Причем люди испытывали при этом такой душевный подъем, словно делали необычайное открытие в области электроники или аэродинамики.

Чаще всего меня почему-то принимают за того или иного деятеля искусства. Меня ругают за песни, которых я не сочинял, за фильмы, которых не ставил, за пейзажи, которых не писал. Хуже того, с меня требуют долги, которых я не делал.

С годами я стал полнеть, и сравнения начали приобретать преимущественно литературный характер. Я стал похож на дедушку Крылова (хотя мне всего сорок лет), на поэта Алухтина, а что касается Пьера Безухова, то этот литературный герой стал моим постоянным спутником.

В прошлом году я женился. Я полюбил Маню за добрый характер, за нежное, простодушное сердце. Немалую роль в моем чувстве сыграло то обстоятельство, что Маня никогда ни с кем меня не сравнивала.

После свадьбы, когда гости разошлись, она, убирая посуду в шкаф, задумчиво сказала:

— Не помню, говорила я тебе или нет, что ты удивительно напоминаешь мне студента нашего института Гошу Трифонова? На первом курсе у нас был с ним такой наивный, такой трогательный роман...

К счастью, она стояла ко мне спиной и не видела моего лица.

Я не знал, плакать мне или смеяться.

Судьба...

Начетчик.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Гнилушек

— Полистай, дорогой, сей труд. Здесь очень дельно сказано об использовании богатств родного мне края. Да, дремлют еще нерастроченные силы матушки-природы!

И неведомо было Виктору Авксентьевичу, что уже давно эти нерастроченные силы пробудились, что не растет уже осока по берегам гнилушкинского болота, да и само оно исчезло давно. Прошли по всей округе бульдозеры и плуги, зацвели пышные луга, и там, где стояли ветхие избы, раскинулся новый животноводческий городок «Восход». Жизнь сыновей и внуков потомственных ямщиков пошла по новому руслу. От старых Гнилушек не осталось даже и названия.

А впрочем, может быть, и хорошо, что не дошел слух об этих переменах до Виктора Авксентьевича. Нет, не смог бы он втиснуть этот новоявленный «Восход» в рамки трилогии, повесть о старой кузнице, кочковатых выпасах и молодцах-ямщиках...

С упоением описывал их Виктор Авксентьевич, и ни один живой звук не пробивался в его кабинет сквозь двойные рамы московской квартиры.

Отлучаясь лишь на короткие летние месяцы, Виктор Авксентьевич безвыездно жил в столице и... не замечал ее. На его глазах она превращалась из ситцевой в индустриальную, на его глазах росла, хорошела. Но эти глаза были незрячими.

Когда началась реконструкция Москвы, то ветхий дом, в котором жили Перепелкины, снесли, и они переехали в Лаврушинский переулок. Уже после войны Ольга Юрьевна настояла на переезде в Юго-Западный район. («Теперь там все живут»). Но Юго-Запад — это уже новейшая история. А Виктор Авксентьевич был свидетелем прокладки первых линий метро, реконструкции Пушкинской площади, строительства Сельскохозяйственной выставки. Он видел, как веселый крановщик разбивал

стопудовым шаром обветшалые домишки и как вырастали сложенные из плит новые, светлые здания с лифтами, газом, ваннами, горячей и холодной водой. Он проходил и проезжал по ажурным мостам, перекинутым через Москву-реку, по новым, широким магистралям, обсаженным двадцатилетними липами и березками. В магазине, метро, кинотеатре он часто смешивался с толпой строителей — смешливых, задорных девушек, чумазных парней, — но взгляд его обычно скользил поверх толпы, ни на ком подолгу не задерживаясь.

Случилось как-то Виктору Авксентьевичу оказаться в Сибири с писательской бригадой. Рабочие леспромхоза набросились на него с вопросами: «Ну, как там Москва, что новенького в столице?»

— Растет, конечно, строится... — неопределенно промычал Виктор Авксентьевич. И вдруг оживился: — Вот у нас в Гнилушках, откуда я родом, дед Мокей задумал строить курятник. А лесу кругом — ни суцка...

Но сибирякам неинтересно было слушать рассказ о том, как в каких-то Гнилушках строили курятник, и они потихоньку разошлись, оставив столичного писателя в одиночестве.

В разное время и с разных сторон предпринимались попытки направить музу Виктора Авксентьевича на новую стезю. Звонили из газет, журналов:

— Напишите очерк о Москве!

Но на эти настойчивые просьбы у Виктора Авксентьевича ответ был всегда наготове:

— Ни минуты времени нет. Сроки поджимают. Для нашего брата, писателя, издательский договор — святая святых.

Покушались на Перепелкина и кинематографисты:

— Напишите сценарий о столице. Ведь вы же коренной москвич. Вам и карты в руки...

— Москвич-то я москвич, — отвечал Виктор Авксентьевич, — только ведь кино — это специфика, а я, кроме повести и рассказа, ничего не знаю. И потом я не городской. Я аграрник. Моя стихия — зеленая.

Справедливости ради надо сказать, что рукописная история столицы создавалась не только в протокольном отделе Моссовета. О Москве писали не только М. Ю. Лермонтов, Джамбул и Стальский. Столице, ее труду, ее подвигам посвящены повести и очерки многих писателей, наших современников. Были созданы пьесы о московском характере, поставлены фильмы о неразлучных друзьях-москвичах,

люди разных стран поют песни о красавице Москве.

Но какое до всего этого дело Виктору Авксентьевичу!

— Я человек от земли, таким и останусь, — любит он повторять в кругу друзей, хотя той земли, которую Перепелкин описывал всю жизнь, давно уж и нет на свете.

Среди собратьев по перу, хорошо знакомых Виктору Авксентьевичу, было немало таких, которые вдруг на полгода или на год исчезали из столицы и так же неожиданно возвращались с рукописями романов и повестей о Колхиде или Сахалине. А некоторые даже навсегда обосновывались где-нибудь под Курском или Рязанью. Эти мятущиеся души были чужды нашему герою, он их просто не понимал: к чему нужна эта суета?

Вот и сейчас Виктор Авксентьевич сидит в своей квартире, что выходит окнами на новое здание Московского университета, и перелистывает тома трилогии о Гнилушках, готовя очередное переиздание. Иногда он впадает в глубокую задумчивость...

Легко догадаться, о чем может думать писатель на склоне лет. Конечно же, о бессмертии, о благодарной памяти потомков!

А ведь может случиться и такое...

В распоряжении будущих исследователей останется один-единственный документ, освещающий связь писателя В. А. Перепелкина с современностью, — запись беседы с совсем древней обитательницей Средних Гнилушек, сделанная в свое время сотрудником литературного музея:

«Виктор Авксентьевич Перепелкин, говоришь? Книги, говоришь, пишет? Врать не стану, может, и пишет: чего ведь, батюшка, с людьми не случается?..»

А вот что приезжал ко мне, то хорошо помню. Распрашивал все, курятником моим любовался. А потом попросил курочку одну прирезать и сготовить ему.

Очень, очень хвалил. Совсем, говорит, как в «Арагви».

Он и объяснил мне тогда: не то река такая при царе была, не то столовка... Запомнота я. Да ведь и то сказать: сколько годков прошло.

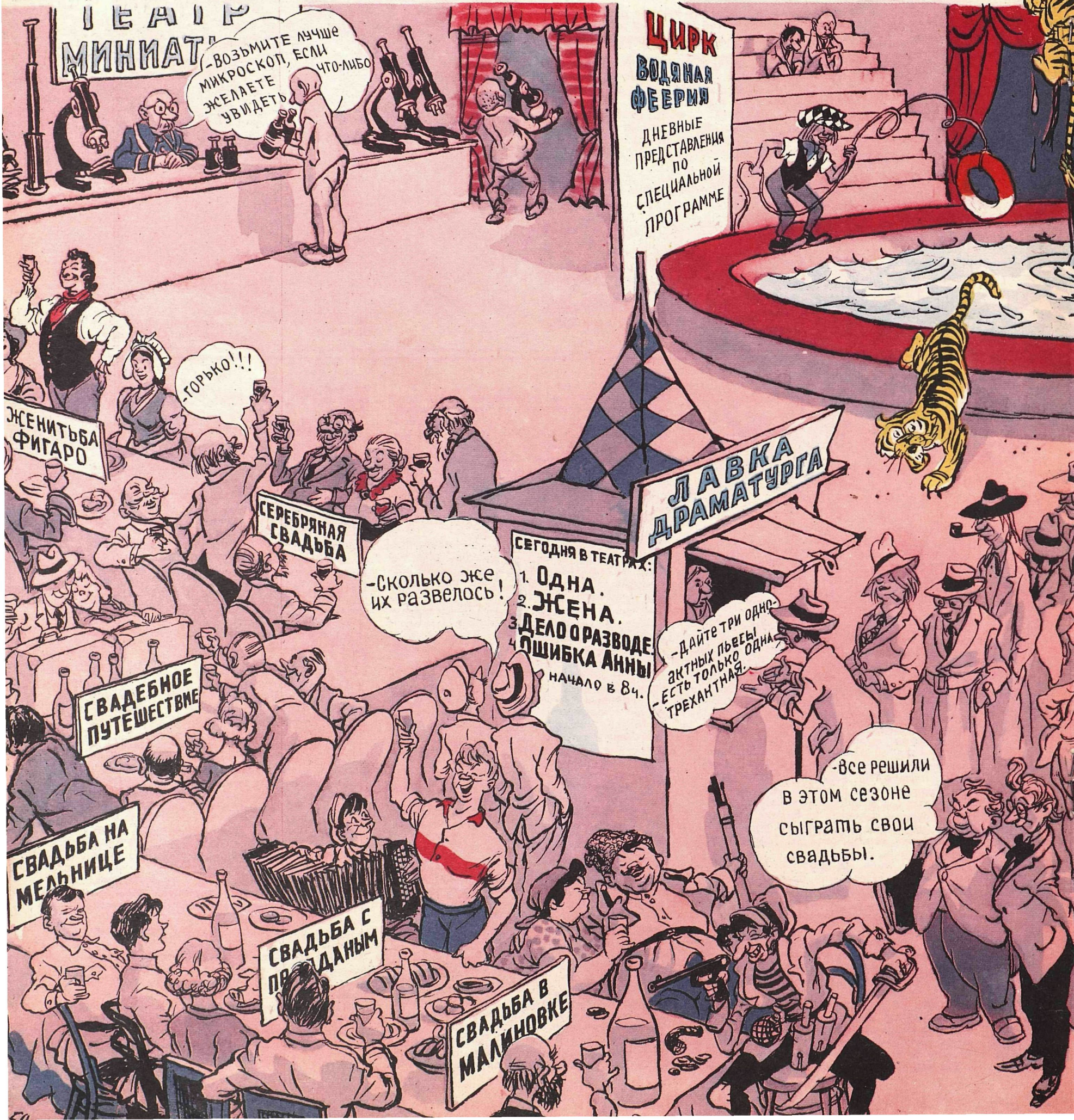
И останется навсегда писатель, живущий сегодня, в наше необыкновенное время, всего-навсего гражданином Гнилушек. Именно Средних Гнилушек, а не Нижних и не Верхних.

М. СЕМЕНОВ

...Со сцены доносится натуральный звон бутафорского хрусталя, летят в потолок пробки, и захмелевшие персонажи кричат: «Горько!»
 Горько персонажам, не сладко и зрителям. Статистика показывает катастрофический рост театральных брачных обрядов. Наряду со свадьбами растет и количество разводов. По сценам бродят толпами одинокие, страдающие, непонятые, обманутые, брошенные жены и мужья-одиночки.
 Пока на сцене кипят семейно-коммунальные страсти-мордасти, у лавки драматурга выстроилась длинная очередь.
 — Что дают? — спрашивает запыхавшийся периферийный худрук. — Мне бы положительного героя...

— Есть и положительные, но с брачком: с надломом, с трещиной...
 — А страсти, чувства имеются?
 — Больших чувств тоже не осталось. Мелочь продают, эмоциональные семечки. Все ждут, может, Николай Погодин с базы подбросит, опять же Арбузов, Розов...
 — А зритель-то ждать не будет, хоть и терпелив он!..
 — М-да... Не то что в Древней Греции. Там зритель спуска не давал. Вот что историки пишут: «Однажды, когда еврипидовский герой сказал, что деньги ценнее совести, все присутствующие в едином порыве негодования бросились на протагониста (первого актера). Еврипиду пришлось

вмешаться и успокоить публику сообщением, что мошенник будет наказан в развязке».

— Там, говорят, авторы за кулисами сидели. Для безопасности.

— Зато нынче они ничего не боятся. Я сам видел в МХАТе, как Раздольский — автор комедии «Дорога через Сокольники» — во время антракта по фойе разгуливал.

— Да ну?! Вот смельчак!

Наш художник И. Семенов, разумеется, не мог в одном рисунке отобразить все многообразие театрально-зрелищной действительности. Больше того, он несколько окаринатурил действительность, что, впрочем, про-

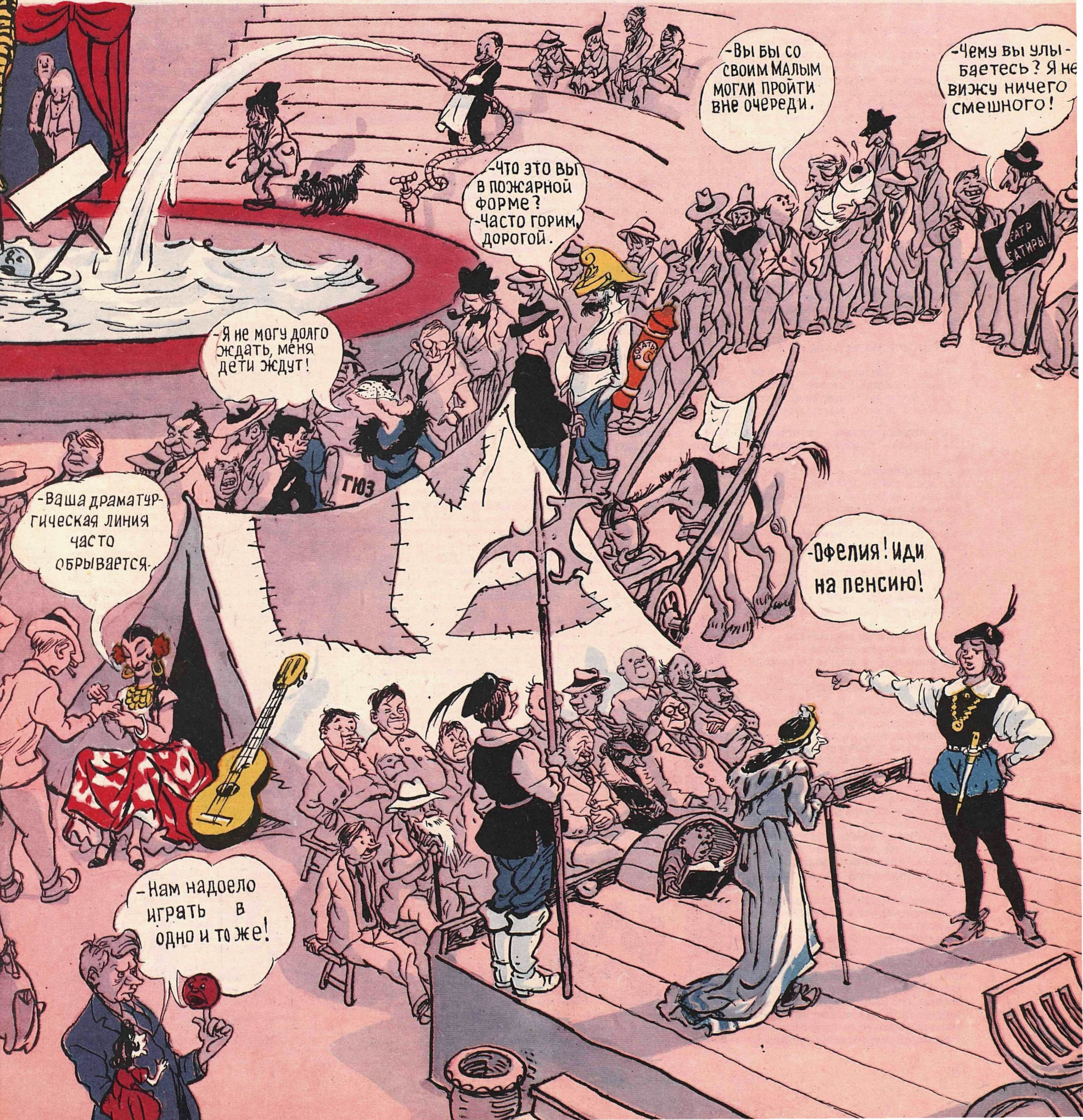
ститительно карикатуристу. И пусть не негодуют, например, работники Московского цирка: за что, мол, на них нападают?!

— У нас все билеты нарасхват, — скажут они, — а тут изображены пустующие места!

Не волнуйтесь, товарищи, это изображен момент репетиции.

Мы за «Водяную феерию». Именно в цирке! А к некоторым деятелям театра покорнейшая просьба: поменьше воды.

Тут мы хотели поставить точку. Но о театре пожелал высказаться не только художник И. Семенов. На следующей странице разговор о делах театральных будет продолжен...

(Из «Общей тетради»)

1. О ТЕАТРАЛЬНОМ СЕЗОНЕ

В области зрелищ демисезонного периода почти не было.

Чрезвычайно насыщенный летний сезон еще не закончился, когда уже начался зимний.

Лето было в Москве жарким. Жарким не только по температуре воздуха, но и по темпераменту зрителей. И не мудрено! Москвичу надо было успеть посмотреть: иностранные выставки, национальные декады, международный кинофестиваль, гастроли театров, симфонических оркестров, американской, польской, румынской, кубинской эстрады, негритянских баскетболистов, джазов...

А балет вообще был представлен во всех видах: балет просто, балет ледяной, балет водяной... Не было разве только воздушного! Впрочем, судя по откликам на гастроли наших танцовщиков за границей, наш балет — явление тоже отнюдь не земное!

Москвич разрывался, но успевал!

Мы конспективно записали стихами рассказ нашего соседа, очень активного зрителя, о его обычном летнем маршруте:

...Из кинопанорамы — в драму...
Из драмы — прямо в циркору-
му...

За циркоруемой — в цирк билет...
На баскетбол — баскетбалет...
Потом — солисты мюзик-холла,
Показы мод и пепси-кола,
А с пепси-колы повлекло
Уже на чешское стекло...
Хрусталь... Сосиски... Пиво... Ва-
зы...

А дальше — джазы... джазы...
джазы

Из Аргентины, ФРГ...
И звон в ушах!.. И дрожь в но-
ге!..

А после джазов призывали
Сеансы кинофестиваля
На фильм не в два, не в полто-
ра,

А ровно в три часа утра!..

И так каждый день!

Но вот кончилась эта жаркая летняя пора, и, судя по дрожи некоторых директоров театров, начался зимний сезон.

Конечно, не все директора, волнуясь, гадают о сборах. Некоторые уже спокойны. Они знают, что сборов у них не будет.

А многие действительно спокойны за сборы, потому что волновались об этом раньше.

И волноваться было из-за чего!

Зрителю надоело за прошлые годы поток пьес о семейных неприятностях.

Авторы этих бракоразводных произведений подобрали нехитрые ключи к зрительским сердцам, истосковавшимся на бесконфликтной драматургии. Ключи эти были старые и похожие друг на друга, как обыкновенные разводные ключи.

А сюжеты этих семейных

Мы завели себе недавно общую тетрадь для того, чтобы заносить в нее различные записи, так сказать, на темы дня.

Это во всех отношениях ОБЩАЯ тетрадь.
Во-первых, она у школьников так и называется — ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ.

Во-вторых, нас, пишущих в нее, двое. Стало быть, это наша ОБЩАЯ тетрадь.

В-третьих, ведем мы наши заметки, разумеется, только в самой ОБЩЕЙ форме. И, наконец, как мы надеемся, некоторые из них могут представить ОБЩИЙ интерес.

В связи с тем, что лето уже прошло, осень проходит, а зима еще не наступила, мы публикуем сегодня несколько записей демисезонного характера.

драм, повторяющие друг друга до бесконечности, поразительно напоминали известную детскую собаку.

Строились они примерно так:

У супруга есть супруга,
Он ее любил.
Но пришла к жене подруга —
Он жену забыл.
Супруге дал развод,
С подругой он живет...
Но...
Оказался у подруги
Узкий кругозор!
И вернулся он к супруге,
Чтобы смыть позор!
На этом занавес...
Но сколько еще пьес,
Где...
Есть супруг и есть супруга,
Есть у них очаг,
Но ушли все друг от друга,
И очаг зачах!..

...И зритель думал об этих пьесах почти так же, как гово-

рится в этой старой истории про попа и его усопшую собаку:

— Я б книгу жалоб взял
И надпись написал,
Что:
Если есть у вас супруга,
А у вас есть муж,
Не водите вы друг друга
На такую чушь!

И зритель перестал ходить на такие пьесы!

Зритель хочет по-настоящему волноваться в театре. Он хочет и плакать, и смеяться, и думать. Непременно думать! Причем вовсе не о том, досиживать ли ему до второго антракта или уходить уже в первом!

Не помогли ставшие уже традиционными постановочные ухищрения вроде переселения артистов со сцены в зрительный зал. Сейчас во многих спектаклях исполнители ходят среди публики и половину пьесы играют в зрительном зале. Благо, места хватает.

С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Рисунок К. НЕВЛЕРА.

Поэт и муза.

Может быть, театры так поняли призыв быть ближе к жизни? Если так, то это не совсем верное толкование очень верного совета.

Лучше уж пусть сам зритель заполняет зрительный зал. А кстати, и сцену! Если полнокровные образы наших людей, тех самых, которые сидят в зрительном зале, будут заполнять наши сцены, то сами эти люди будут заполнять наши залы!

Именно этого хочется пожелать нашим театрам в наступившем театральном сезоне!

2. О ФУТБОЛЬНОМ СЕЗОНЕ

И в спорте сейчас летний сезон уже передает эстафету зимнему.

Пусть же наши лыжники продолжат победоносные традиции легкоатлетов! Пусть конькобежцы примут эстафету побед от наших штангистов и волейболистов!

А вот хоккеистам, скажем, мы не советуем перехватывать эстафету достижений от наших футболистов.

Как можно характеризовать успехи наших футболистов?

Нам вспоминается случай, когда на международных конькобежных соревнованиях впервые участвовавший в них спортсмен так растерялся, что после выстрела стартера стремительно ринулся по кругу... в обратном направлении. Бежал он, говорят, быстро, но совершенно бессмысленно.

Нечто подобное, кажется, происходит с нашими футбольными командами класса «А». Они тоже, видимо, спутали направление и весь сезон энергично боролись за последние места.

Высшим достижением этой игры в «футбольные поддавки» был матч в Софии, который наша олимпийская сборная закончила со счетом 0:1.

В нашей олимпийской сборной олимпийским оказалось только спокойствие, с которым она проигрывала болгарам этот решающий матч!

И вот в том же историческом номере газеты, в котором на первой полосе сообщалось, что нашим ученым, техникам и рабочим удалось попасть космической ракетой в Луну, на четвертой странице было помещено такое известие: наши футболисты ни разу не сумели попасть мячом в обыкновенные футбольные ворота!

Мы уже слышим знакомые оправдания: мяч, мол, круглый! Все бывает!

Но мы не хотим ни слушать, ни принимать этих оправданий!

Нет, виноват не «круглый мяч»,
Не в нем причина неудач!
Причина, что ни говори,
В том, что играли, к сожаленью,
Из рук вон плохо вратари,
Из ног вон плохо — нападеные!

СВЕЖЕЕ, ЧЕМ «ЭР-КОНДИШЕН»

(ИЗ АМЕРИКАНСКОГО БЛОКНОТА)

ПОЧЕМ РАФАЭЛЬ

Широкоплечий гид-драйвер, то есть гид-шофер, везёт нас, группу советских туристов, по Вашингтону, на ходу поясняя, что мы видим из окон автобуса:

— Налево, леди и джентльмены, Капитолий. Центральное местопребывание законодателей Америки. Наша национальная святыня. Стоимость здания — тридцать один миллион долларов... Направо — здание Национального музея. Величайшая сокровищница мирового искусства. Цена здания — восемнадцать миллионов. Стоимость коллекции определяется в размере от трехсот десяти до трехсот пятнадцати миллионов. Имеются картины Рафаэля. Стоимость — до десяти миллионов...

Приглашая вас к себе в гости и вводя в дом, американец сейчас же поспешит сообщить, сколько он платит в месяц за квартиру. Правда, цены на жилье в Америке, особенно в Нью-Йорке, так высоки, что не уступают небоскрегам... Но в данном случае вам говорят об этом не для того, чтобы вызвать сочувствие,

а чтобы вы сразу поняли, с кем имеете дело, сколько «стоит» сам хозяин!

Рыцари присягали на шпаге, верующие клянутся на Библии, влюбленные — прижав руку к сердцу. Деловые американцы готовы звать к доверию, положив руку на бумажник или на чековую книжку.

ПОСЛЕ «СЧАСТЛИВОГО КОНЦА»

— В основном с такой злокачественной язвой нашей жизни, как гангстерство, мы покончили, — говорили нам наши симпатичные и гостеприимные американские хозяева. Нам даже порекомендовали сходить в кино и посмотреть фильм «Аль Капоне». — Вы увидите, что все это в основном уже дело вчерашнего дня. С этим, в общем, покончено.

Ну что ж!.. Мы пошли и посмотрели этот фильм.

Но буквально на другое же утро мы раскрыли чикагские газеты и прочитали крупно набранные сообщения о том, что за несколько часов до того, как мы видели «счастливый конец» фильма об Аль Капоне, на одной из центральных улиц Чикаго был среди бела дня расстрелян двумя неизвестными один из самых видных деятелей бандитской шайки — бывший «финансовый мозг треста Аль Капоне», как почтительно именовали покойника газеты. Видно, некоторые фильмы полезно было бы доснимать и после «хэппи энда».

ЕЩЕ ОДИН С УОЛЛ-СТРИТА

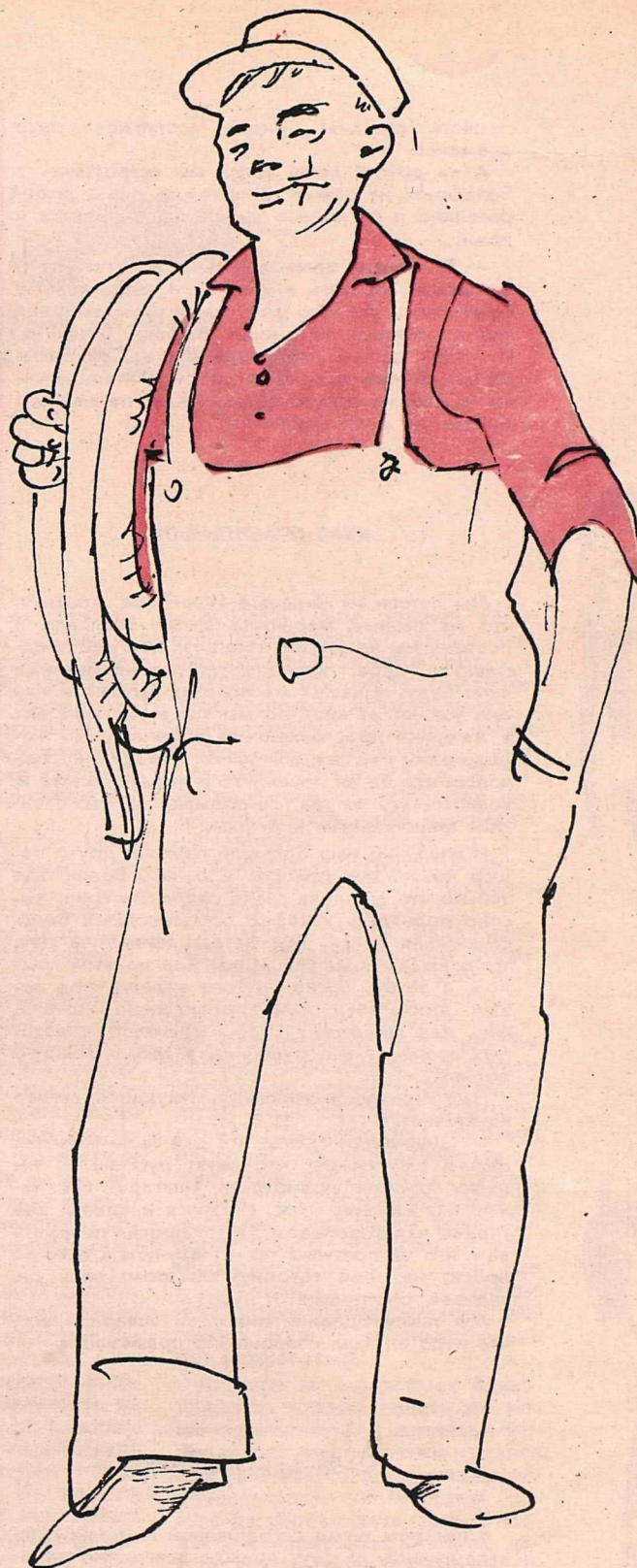
После головокружительного состязания «Эмпайр стейт билдинга» и «Радио-сити» мы бродили в пещерной тесноте деловых кварталов, через которые проходит знаменитая Уолл-стрит. И вдруг к нам, когда мы остановились на углу, подошел пожилой человек в запятнанном жидкой грязью комбинезоне, со шлангом, свернутым в кольцо и переброшенным через плечо наподобие лассо.

— Прошу извинить меня. Я слышу, вы русские? Откуда? Из Москвы? Разрешите пожать вам руку. — Он тщательно вытер ладонь о комбинезон, и мы по очереди ответили на его крепкое рукопожатие. — Интересуетесь, как все это выглядит? Да, денег здесь в каждом доме... — Он иронически поднял руку и повертел над головой. — Но ведь у вас иные расчеты в жизни. Верно? А я вот работаю тут, как говорится, на низшем уровне: водопроводчик. Но что из этого! У нас здесь такие люди имеются, что выше уже и лезть некуда, а уткнулись носом в сейф свой!.. А мы и из-под земли далеко видим. Нам долго мешали видеть. А теперь мы кое-что разглядели. О, спутник! Ракета!.. Вот на каком уровне говорит Никита Хрущев!

И человек в запятнанном комбинезоне, работающий «на низшем уровне» под Уолл-стритом, задрал голову к небу, весело подмигнул нам, поднял высоко руку и, приветственно помахав на прощание, исчез в каком-то люке...

СМОГУ ЛИ Я СЫГРАТЬ ПУШКИНА!

В душный вечер мы были на концерте знаменитого негритянского певца Гарри Беллафонте. Он выступил перед шеститысячной аудиторией вашингтонского «Баррон-амфитеатра», окруженного густой зеленью, в которой певцу аккомпанировали трели ночных цикад и дре-

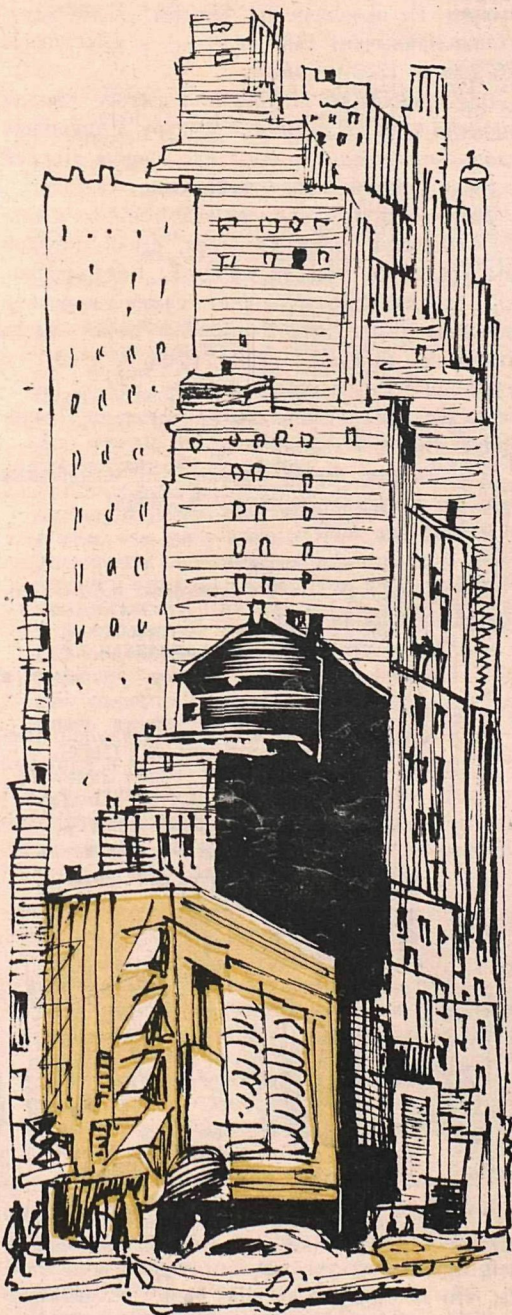
весных лягушек. В завершение концерта мы услышали популярнейшую песенку с острова Ямайка, нелепую, смешную и прелестную песенку о коварной Матильде, которая бросила возлюбленного, удрав с его деньгами в Венесуэлу. Все шесть тысяч человек: и школьники в верхних рядах, и полисмены в проходах, и даже «дамы старше сорока лет», к которым особо обратился Беллафонте, — все с жаром подхватывали: «Ма-тиль-да! Если ты совсем удрала, то хотя бы деньги дай!»

И вдруг, едва затихли аплодисменты после песни, Беллафонте, разом став торжественным, подошел к самому краю эстрады.

— Леди и джентльмены! — сказал он. — На нашем концерте, почтив меня своим вниманием, присутствуют гости из страны, куда я давно мечтаю поехать со своими песнями, — гости из Советского Союза... Я посвящаю им свою следующую песню.

Мы запутались в ослепительной паутине лучей, которые направили на нас мощные прожекторы. И огромная аудитория рьяно и дружелюбно захлопала нам.

— Беспрецедентный случай! — говорили потом вашингтонские старожилы. — Еще полгода назад нельзя было представить, чтобы артист, да еще чернокожий, позволил себе в Вашингтоне на публичном концерте так привет-

ствовать русских!.. Видно, наступают новые времена!

А на другой день, когда мы встретились с Белафонте на одном из приемов, певец доверительно и несколько смущенно поделился с нами:

— Вы знаете, о чем я больше всего мечтаю? Во-первых, поехать в Москву и спеть там. А во-вторых... Да, это вот самая моя заветная мечта: сняться для кино в роли Пушкина. И чтобы фильм этот показали в Советском Союзе. Я уже веду переговоры с итальянскими и нашими продюсерами. Как, по-вашему: выйдет из меня Пушкин?..

КУРС ПРАВИЛЬНЫЙ

Мы летели из Чикаго в Нью-Йорк, досадуя, что из нашего маршрута выпал Буффало и поэтому мы не увидим Ниагары. Мы уже представляли себе, какие кисло-разочарованные лица будут у наших московских друзей, когда они узнают от нас, что мы так и не повидали в Америке прославленного водопада. Но молодой гид из компании «Америкэн Экспресс» все бегал почему-то в кабину пилота и, возвращаясь оттуда, поглядывал на нас с видом таинственным и хитрым.

И внезапно наш большой самолет круто пошел книзу. Мы припали к окнам. Вдали, где только что светлела гладь озера Онтарио, высоко поднялась какая-то продолговатая бело-дымная гряда. Мы летели прямо на нее, продолжая снижаться. И вот под правым крылом, а затем, после крутого виража, под левым (чтобы всем было хорошо видно) показались две гигантские скобы каньонов, с которых громады вод рушились в громокипящую долину...

Наш гид, взволнованный и ликующий, вышел из кабины.

— Шеф-пилот сделал это для вас, — пояснил он, — я ему сказал, что летят русские. И им очень хочется посмотреть Ниагару. Он немножко изменил курс, снизился и сделал два виража над водопадом. Пилот просил передать вам, что он поступил так из дружбы к вам, но просит не всем говорить об этом: ведь он, господа, отклонился от курса...

Мы поблагодарили пилота и заверили его, что курс он взял совершенно правильный.

АМЕРИКА — НА СЛУХ

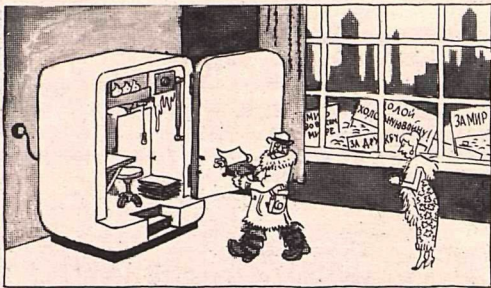
В пестром шуме сегодняшней Америки мне запомнились на слух прежде всего три звучания. Беспредельный, вездесущий, ровный, слегка гудящий шорох «эр-кондишена» — аппаратов, нагнетающих сквозь жару кондиционированный, блаженно-прохладный воздух в номера отелей, в театры, парикмахерские, магазины и даже в автобусы дальнего следования. Звучащий дух технического комфорта! Второй звук находится в некотором противоречии с первым: бесконечные ругавы древесных лягушек и цикад, густо заселяющих все парки и предместья американских городов. Немолкнущие бубенцы американской ночи, обзванивающие зеленые просторы. А третья нота находится в известном диссонансе с двумя первыми. Это визгливый вой полицейских машин. Их сирены, громогласные и пронзительные, вонзаются то и дело в звучание американского городского дня. Так сказать, постоянное напоминание о недремлющей бдительности властей...

Но с каждым днем нашего путешествия все явственнее воспринимали мы на слух и на сердце другую, самую важную и мощную ноту в многозвучии сегодняшней Америки. Ноту дружелюбия, тон искренней заинтересованности в дружбе с СССР, голос горячей надежды на сближение с нами. И мы ощущали везде, где бы ни были в Америке, что повеяло добрым ветром, надежно освежающим атмосферу и еще во сто крат более благословенно желанным для миллионов людей, чем «эр-кондишен»...

Да, вы остроумны!

ИТОГИ КОНКУРСА НА ЛУЧШУЮ ПОДПИСЬ К КАРИКАТУРЕ

ПОТЕПЛЕЛО

Теплеет так, что дрожь по коже.
Скорей в рабочий кабинет
Пойду-ка, что-нибудь сморожу
В холодном духе прежних лет...

Когда художник Евгений Ведерников принес нам в редакцию этот рисунок, изображающий западного журналиста — холодных дел мастера, мы решили предложить нашим читателям самим придумать подпись к рисунку.

Есть еще в западной буржуазной печати писаки, к которым на сто процентов относятся слова Никиты Сергеевича Хрущева: «Они сейчас чувствуют себя как бы «не в своей тарелке» и борются за сохранение той атмосферы, в которой они привыкли существовать, то есть атмосферы «холодной войны».

Прошло совсем немного времени после выхода в свет 28-го номера нашего журнала, и на редакцию обрушился целый шквал ответов. Одни письма отличались лаконичностью: «Предлагаю подпись: «Нашел выход». Л. М. Федоров». Другие ответы убедительно свидетельствовали о том, что авторы их знают толк во входящих и исходящих бумагах. Например: «На ваш запрос в подведомственном вам журнале за номером 28 сообщаем требуемый ответ: «Последнее убежище». А. З. Костриков».

С каждым новым днем география распространения нашего конкурса все расширялась и расширялась. Вслед за письмом Спаса Арнаутова из болгарского города Гоце Делчев мы получили телеграмму с острова Диксон от Михаила Пейсахова. Не успели мы расписаться в ее получении, как почтальон тут же вынул из сумки предложение А. Ф. Черникова из Воркуты и коротенькое письмо из Берлина от члена ЦК СЕПГ товарища Альфреда Курелла. А Зинаида Павловна Скалова придумала свою подпись, находясь в геологоразведочной партии в Кустанайской области.

Писали нам почтенные пенсионеры, писали и совсем юные читатели. Ученица 3-го класса «А» школы номер 12 Московской железной дороги Люба Матюшина тоже прислала нам свое предложение, и хотя она написала слово «Крокодил» через «а», мы все равно ценим ее письмо. Мы уверены, что в очередном диктанте она не сделает ни одной ошибки.

Подавляющее большинство писем написано, так сказать, «соло», но были и «хоровые» ответы. Например, тов. Стругацкий из эстонского города Хаапсалу прислал нам письмо на 8 страницах, в котором рассказал, как целый вагон поезда коллективно придумывал подпись. В этом внутривагонном конкурсе участвовали врач, инженер, пенсионер, рабочий, домашняя хозяйка и другие пассажиры.

Другой коллектив носил семейный характер и состоял из двух человек: Анатолия Николаевича Никитина из Уфы и его бабушки. Анатолий Николаевич сообщает нам, что бабушка его «горевала: она-де сама бы сделала подпись, да вот беда: расписаться может только крестом. Я успокоил ее, сказав, что крест поставит за нее Крокодил на ответах».

Зачем такой пессимизм, уважаемый Анатолий Николаевич? Вы с бабушкой придумали вполне приемлемые подписи, и если мы не присуждаем вам сейчас приза, то вполне уверены, что в следующий раз вы с бабушкой его наверняка получите. А пока что искренний крокодилский привет вашей бабушке!

Какие же ответы прислали в редакцию участники конкурса? Первенство держит самый короткий ответ: «Потеплело». Его мы и берем в качестве общего заголовка. Автора установить нелегко, ибо этот вариант был предложен 1 457 читателями. Согласитесь, что было бы смешно, если бы мы написали: «Первые 1 457 мест разделили товарищи такие-то и такие-то. Продолжение списка см. в следующем номере».

На втором месте идет подпись: «Последний выход». Ее прислали 911 человек. Далее идут: «Сила привычки» (487 человек) и «Последнее убежище» (379 человек).

Все принявшие участие в конкурсе узнали жалкую и нахохлившуюся фигуру сторонника «холодной войны» и выразили свое в высшей степени презрительное отношение к нему.

Удачнее других, как нам кажется, это сделала москвичка Вера Устинова, стихи которой мы публикуем под рисунком Е. Ведерникова.

Хотя это, конечно, и не самая короткая подпись, автор стихов выразил свою мысль (впрочем, не только свою) точно и ярко.

По-другому, но тоже хорошо сделал подпись Юрий Владимирович Капустин из Ленинграда. Вот его вариант:

«— Поздно, Фрэд! Только что выключили ток. На электростанции нет рабочих!»

— Где же они?

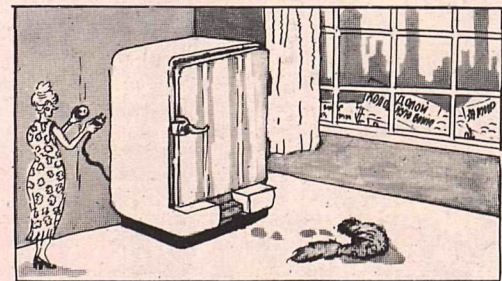
— Под нашими окнами!»

А вот подпись военнослужащего Юрия Леонидовича Лобанцева:

«— Зачем ты лезешь в холодильник?

— Чтобы не потерять теплое местечко в редакции».

И, наконец, четвертый призер, Николай Землянский из города Фрунзе. Хотя он и нарушил условия конкурса, прислав не подпись, а свой рисунок — продолжение к карикатуре Ведерникова, мы сочли Землянского остроумным человеком (см. его рисунок и судите сами)...

Вот четыре ответа, которые мы считаем лучшими. Мы благодарим всех наших читателей, принявших участие в конкурсе, и надеемся, что в следующий раз они обязательно займут первые места.

КРОКОДИЛ

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА

(ДЛЯ ДИССЕРТАНТА)

ДИССЕРТАНТ-новичок А. А. Гуляев-Гущин обратился в Крокодиль с десятью вопросами о том, как следует вести себя во время защиты диссертации. Ниже мы печатаем ответы наших консультантов. Одновременно редакция приносит благодарность заслуженному деятелю науки профессору М. К. Дально, чья книга «Медицинская диссертация» (Государственное медицинское издательство УССР, Киев, 1959 год) послужила незаменимым теоретическим подспорьем для крокодильских консультантов, к сожалению, не имеющих высоких научных степеней и званий.

ВОПРОС. Как держать себя во время защиты диссертации?

ОТВЕТ. Бодро, но не нахально. Уверенно, но не самоуверенно. Надо учитывать, что у каждого диссертанта могут быть враги в зале, которые только и думают, как бы подложить ему свинью, вставить фитиль или что-нибудь похуже. Нужно крепко подумать над тем, как бы заблаговременно избавиться от таких недругов. Помните: благожелательная аудитория — 99 процентов грядущего успеха. Вот что по этому поводу пишет профессор М. К. Даль:

«Зная порядок проведения защиты диссертаций, убедившись в том, что ни у кого из присутствующих при защите нет желания причинить диссертанту неприятности или поставить его в безвыходное положение, знание заранее, как нужно себя держать и что говорить, — все это создает известную уверенность диссертанта в себе...»

ВОПРОС. Что важнее: хорошо начать защиту диссертации или хорошо кончить?

ОТВЕТ. Если диссертант плохо начал, он может плохо кончить. Первое впечатление имеет большое значение. Если вы начнете мямлить, блеять, экать, не ждите добра от оппонентов... «Первые фразы, — учит профессор М. К. Даль, — диссертант должен сказать четко, ясно, последовательно и спокойно». Вы можете спросить: а что же создает спокойствие и моральное равновесие? Отвечаем: печатный текст. Профессор по этому поводу пишет:

«Печатный текст выступления, лежащий перед диссертантом, может создать известное равновесие докладчика».

Это тонкое психологическое наблюдение впервые обнародовано в научной литературе. Хо-

тя многие докладчики и раньше пользовались печатным текстом, но делали это подсознательно.

ВОПРОС. Надо ли соглашаться с крупными или мелкими замечаниями оппонентов?

ОТВЕТ. Вы будете большим чудачком, если полезете в бутылку из-за мелочей. Однажды один диссертант-филолог устроил форменный скандал, когда ему сказали, что в своем автореферате он трижды написал слово корова через «а». Битых полчаса он доказывал свою правоту, пока от него не отвернулись даже самые ярые приверженцы. Нет, с мелочами надо соглашаться. Недаром профессор М. К. Даль так трактует в своем сочинении этот вопрос:

«С мелкими замечаниями, относящимися к редакционным, стилистическим или даже орфографическим погрешностям, конечно, нужно только согласиться».

ВОПРОС. Как величать членов ученого совета? Оппонентов?

ОТВЕТ. «Начинать ответы, — указывает профессор М. К. Даль, — вообще желательно следующими словами: «Глубокоуважаемый профессор или доцент... (упоминается имя, отчество и фамилия) говорит о следующем» — приводится, что именно сказано; это лучше прочесть по своим запискам. Затем устно нужно ответить оппоненту, причем нужно посмотреть именно на задававшего вопрос или выступавшего, а не на пол или куда-то в пространство».

Последнее замечание профессора имеет принципиальное значение. Некоторые малоопытные диссертанты во время ответов глазекуют по сторонам, будто им противно смотреть в глаза ученому совету. Такая дерзость может впоследствии отразиться на результатах голосования.

ВОПРОС. В какую форму облекать ответы оппонентам?

ОТВЕТ. Не следует начинать свои ответы с фамильярного обращения вроде: «Эй ты, очкастый, послушай, что я тебе скажу!» Это неприлично. Кроме того, следует помнить, что в научном отношении диссертант — бесконечно малая величина и, во всяком случае, не ровня оппонентам. Эту свою мизерность нужно подчеркивать всеми имеющимися у вас средствами, дабы завоевать благорасположение аудитории. Упаси бог гово-

рить «я уверен», «я думаю» и т. п. За диссертанта обычно думают первоисточники. Словом, мы совершенно согласны с профессором М. К. Далем, который пишет: «Неправильно и нескромно придавать своему ответу такую форму: «я считаю», «я думаю», «Вы совершенно неправы» и т. д.»

ВОПРОС. Надо ли во время защиты диссертации быть находчивым?

ОТВЕТ. Надо, но в рамках приличия. Профессор Даль приводит следующий поучительный пример:

«...один высокоуважаемый, требовательный к себе и к своим сотрудникам член совета медицинского института, заслушав доклад-защиту, задал молодому диссертанту следующий вопрос: «Вот Вы в своем докладе одиннадцать раз упомянули слово «очевидно». Но разве медицина столь уж точная наука? Не лучше ли было говорить: вероятно, возможно, по-видимому и т. д.»

Плохо воспитанный диссертант, который не читал книги профессора М. К. Далья, мог бы лягнуть, что в медицине есть масса очевидных истин и положений и незачем исключать из словаря медика такое хорошее слово. Этим самым он рисковал потерять расположение члена совета. Между тем на защите диссертации нужно все время думать о том, как бы расположить в свою пользу всех присутствующих.

Комментируя этот случай, профессор М. К. Даль пишет:

«Для диссертанта это замечание было неожиданным, но он не растерялся и сразу даже как-то расположил требовательного профессора в свою пользу. Было сказано: «Глубокоуважаемый... Ваше замечание совершенно справедливо, но я еще раз позволю себе, уже обособленно, повторить слово «очевидно» — очевидно, потому, что я очень волнуясь. В диссертации и автореферате у меня сказано так, как Вы советуете».

О чем говорит, чему учит приведенный пример? — вопрошает далее профессор М. К. Даль. Отвечаем: тонкой лести и легкому подхалимажу, которые никогда не повредят делу.

ВОПРОС. Как желательно быть одетым диссертанту?

ОТВЕТ. «Одегем нужно быть хорошо и в то же время скромно» (профессор М. К. Даль).

ВОПРОС. Как должен вести себя диссертант во время чтения рецензии оппонентов?

ОТВЕТ. Он «стоя выслушивает рецензии официальных и выступления неофициальных оппонентов». Цитируемое нами замечание профессора М. К. Далья необычайно важно, так как есть опасность, что некоторые диссертанты принесут в зал раскладушку и будут отвечать на вопросы полулежа, на манер древних греков¹.

ВОПРОС. О чем надо говорить в заключительном слове?

ОТВЕТ. Заключительное слово — последнее слово перед вынесением окончательного приговора диссертанту. Тут, понятно, надо не сплеховать. Во всяком случае, не жалейте для своих судей меда, сахара и заварного крема. Помните, что патокой каши не испортишь. Исходя из этих принципиальных соображений, не следует скупиться на похвалы, поклоны и благодарности присутствующим. В книге профессора М. К. Далья дан следующий строгий порядок принесения благодарностей, которого нужно неукоснительно придерживаться:

Диссертант «выражает благодарность членам совета по месту проводящейся защиты, официальным рецензентам (указав, кому именно), выступившим неофициальным рецензентам (можно не перечислять кому), своим руководителям, а также лицам, помогавшим в выполнении защитной работы».

ВОПРОС. Если диссертанта после заключительного слова наградят аплодисментами, что он должен делать: аплодировать в ответ или просто мило улыбаться?

ОТВЕТ. Ни то, ни другое. Профессор М. К. Даль указывает: «он (диссертант) должен встать и поклонами еще раз выразить свою благодарность ученому совету».

На этом мы заканчиваем нашу консультацию. Пользуемся случаем еще раз выразить низкими поклонами нашу благодарность Михаилу Константиновичу Далю за могучую научную подмогу.

С. ПУШКОВ,
И. МУШКЕТОВ

¹ Как известно, дети Эллады даже пищу принимали в полулежащем состоянии, опираясь левым локтем на подушку (см. научные источники).

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В соседней комнате у гр-ки Сидоровой имеется собака, которая своим лаем мешает работать сельсовету. За эти действия следует вынести гр-ке Сидоровой общественное порицание».

(Из акта обследования)

«Гр-н Смирнов в пьяном виде гонялся по деревне за своей женой. Учитывая, что она при этом кричала и мешала спокойствию граждан, оштрафовать последнюю на 50 рублей».

(Из милицейского протокола)

К. Дерванов

г. Калинин.

«По накладной № 26 от 17 сентября 1958 г. были получены огурцы от поставщиков старого засола».

(Из объяснения материально ответственного лица)

«Гражданин Булах, будучи во дворе в медицинский вытрезвитель, ложился в кровати вытрезвляющихся граждан».

(Из рапорта дежурного по медицинскому вытрезвителю)

Ю. Савельев

г. Петрозаводск.

«Свидетель показал, что из села Грошево геодезисты ушли в неизвестном направлении на север. Однако указать, где находится север, свидетель не смог, т. к. с того момента прошло более года».

(Из судебного определения)
Б. Борисов

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Сила слова.

ЧУДЕСА ПРЕВРАЩЕНИЯ

Зрелым мастером черной и белой магии показал себя директор Кольбаевской школы (Хмельницкая область) Савелий Данилович Спасюк. Он так ловко превратил выстроенный учениками крольчатник в уютный хлев для двух своих кабанов — Васьки и Петьки, что все ахнули.

Рассказывают, что знатный фокусник буквально завален поздравительными телеграммами своих поклонников. Неизвестно лишь, есть ли среди них телеграммы руководителей Каменец-Подольского района.

А. МАНЗЮК

НОВОЕ В АРИФМЕТИКЕ

Сколько будет, если единицу умножить на двенадцать? Каждый второклассник, не задумываясь, ответит: 12. Аксиома, ничего не попишешь! Но руководители Сызранской конторы материально-технического снабжения треста № 4 Куйбышевского совнархоза решают эту задачу иначе. По их мнению, $1 \times 12 = 120, 240$, а иногда даже и больше. И, как ни странно, такое решение совершенно правильно по форме, хотя и неправильно по содержанию.

Математики, не хватайтесь за голову! Сейчас все будет ясно. Давайте расшифруем эти цифры. Считайте, что 1 — это человек, которому надо получить на складе какое-либо оборудование; 12 — число ответственных работников, чьи

подписи должны быть на документе (иначе на складе ничего не выдадут). А общий итог, равный 120, 240 и выше, — число минут, потребных для того, чтобы собрать все эти подписи.

Как видите, и в математические каноны можно внести изменения. Но не лучше ли внести изменения в некоторые каноны канцелярские?

А. ПАНКОВ,

мастер монтажного участка

Возвращается за ненахождением адресата

Я попросил моего знакомого, уезжавшего в Фергану в командировку, зайти там к моему другу, проживающему по улице Пушкина. Однако знакомый моей просьбы не выполнил, ибо улицы Пушкина в Фергане нет, а есть

Не знаешь ли ты случайно, кто такой был Ново-Пушкин: поэт или великий полководец? И чем именно прославил он родную землю, что его именем называются даже улицы?

В. ИВАНОВ,
студент Ташкентского
театрально-художественного
института

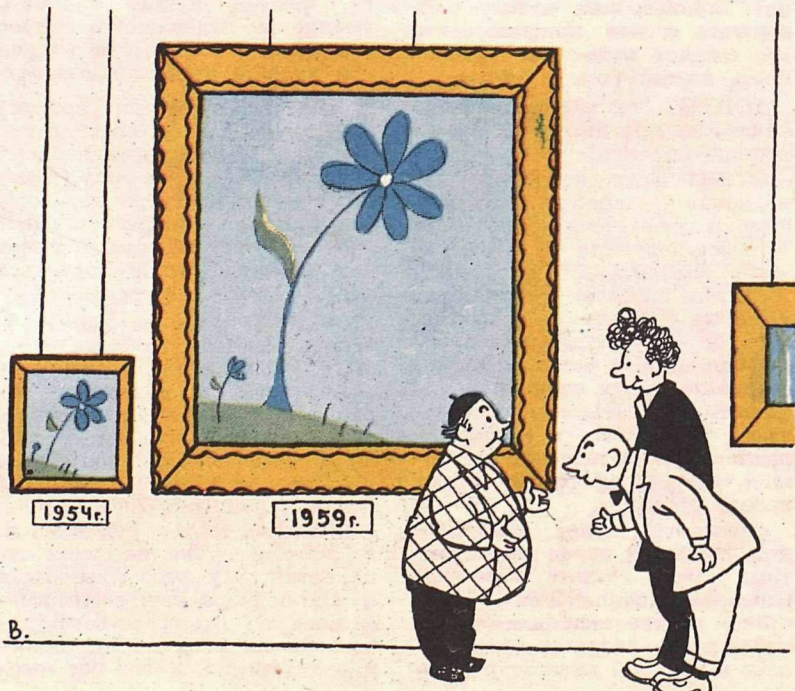
Губахинская пирамида

Пирамида Хеопса в Египте строилась двадцать лет. Пожарное депо в городе Губахе, Пермской области, строительством еще не закончено, но поскольку оно строится прямо-таки в пожарном порядке (за каких-нибудь четыре года уже сооружено 60 процентов

объекта!), то все надеются, что в 1963 году пирами... то бишь депо будет готово к сдаче. Итого восемь лет.

Это ли не значительный прогресс в сокращении сроков строительства за каких-нибудь три тысячелетия?!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Поздравляем! Вы очень выросли за последнее время!

ЧЕРТОВЩИНА

ПРИХОДИЛОСЬ ли вам, читатель, приручать диких зверей, например, волков? Если нет, то и не стоит браться. Хлопот не оберешься. Вот, например, лесник Петр Кривуца из Пресновского района, Северо-Казахстанской области, сделал такую попытку и до сих пор кается. Три года жила у него волчица по имени Ласка. «Но вот на четвертую весну Ласка сорвалась с цепной привязи и ушла в лес». С этого все и началось.

Однажды поехал лесник на своем жеребце Султана объезжать подведомственные ему леса. И тут-то стряслась беда. «Навстречу бешено мчалась стая волков. Уже давно забеспокоившийся Султан вздрогнул, тяжело задыхался, кося на зверей горящий глаз, затоптался на месте. Петр был бывалым охотником, но появление такой стаи волков испугало и его. Он вскинул ружье и уже на прицеле заметил, что ведущий волк в ошейнике — это Ласка!

— Ласка! Ласка! — кричал он, сам не помня себя, не то от радости, не то от ужаса».

Скорее всего, это был, конечно, ужас, и не очень тихий. Ласка не тронула бывшего хозяина, но по ее команде волчья стая окружила всадника плотным кольцом.

«Ласка! Ласочка! Выручай, милая ты моя умница! — промовил оторопевший Петр Кривуца и решительно повернул Султана прямо на волков. Нехотя уступили дорогу хищники, косясь на Ласку».

Но, оказывается, это еще не было спасением. Волки во главе с Лаской провожали лесника до самого дома.

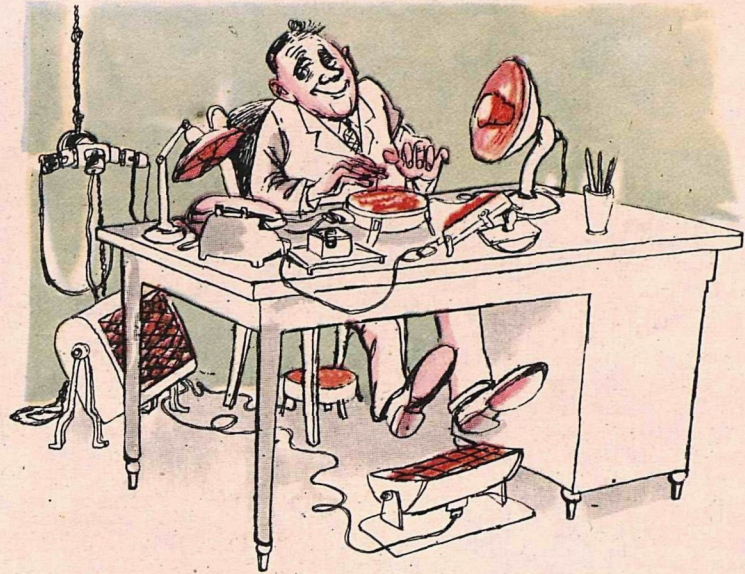
«Открыв дверь, Петр хотел пропустить с собой Ласку, оставить за дверью ее преследователей. Но этого не удалось. Слово поняв его замысел, звери шмыгнули вслед за волчицей в едва открывшуюся дверь, буквально втолкнув в комнату хозяина...»

Как тут быть? Лесник разбил окно, выскочил во двор, но Ласка тоже выпрыгнула, а за ней и вся волчья стая. Лесник снова в дом — и волки туда же. Вот положение! «Тогда Петр, почти не помня, как это произошло, во всю мощь голоса крикнул на Ласку:

— Пошла вон!

Ласка, вытянув шею, боязливо шархнула в угол. Слово огромная сила бросила за ней груды волчьих тел, гулко ударились о стену. Петр успел выскочить на улицу и, захлопнув дверь, быстро закрыл ставни еще двух окон».

Так благодаря находчивости лесник Петр Кривуца не только спас

Теплотехник.

свою жизнь, но затем, вернувшись с односельчанами, перестрелял всех запертых в избе волков.

Но, конечно, такой находчивостью обладает не каждый. Вот очутился в положении лесника А. Худякова, волки ее непременно растерзали бы. Кушали бы, бедную, да еще приговаривали: «Не берись судить о том, чего не знаешь, не сочиняй небывлиц!»

Почему? Да очень просто. Ведь именно перу А. Худяковой принадлежит кратко изложенная нами небывлица «Чертова дюжина», которая опубликована в областной газете «Ленинское знамя» (г. Петропавловск) и снабжена многозначительной рубрикой «Целинные были».

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— С кем столкнулись, товарищ водитель!
— С дорогами, товарищ лейтенант!

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 08846. Изд. № 1318. Подписано к печати 9/ХІ 1959 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2667. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

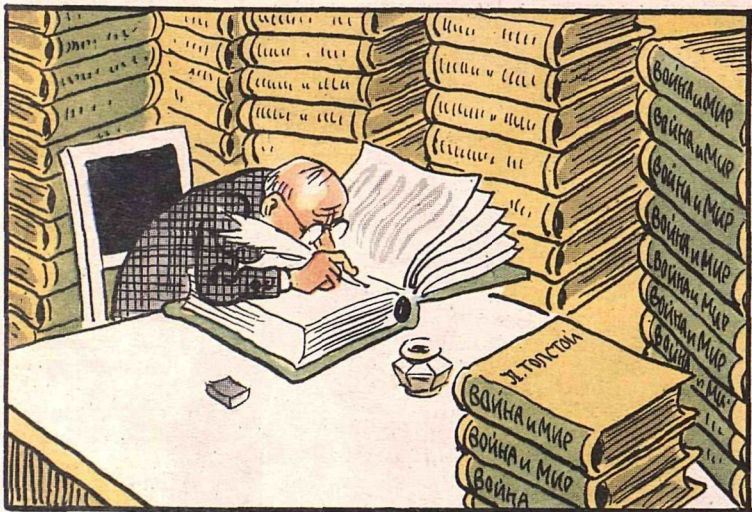
Некое руководящее лицо бриза погрузилось в служебное время в не предусмотренный распорядком дня сон. И почудилось ему, будто первопечатник Федоров, знаменитые изобретатели Попов, Яблочкин и Черепанов принесли ему свои технические новинки.

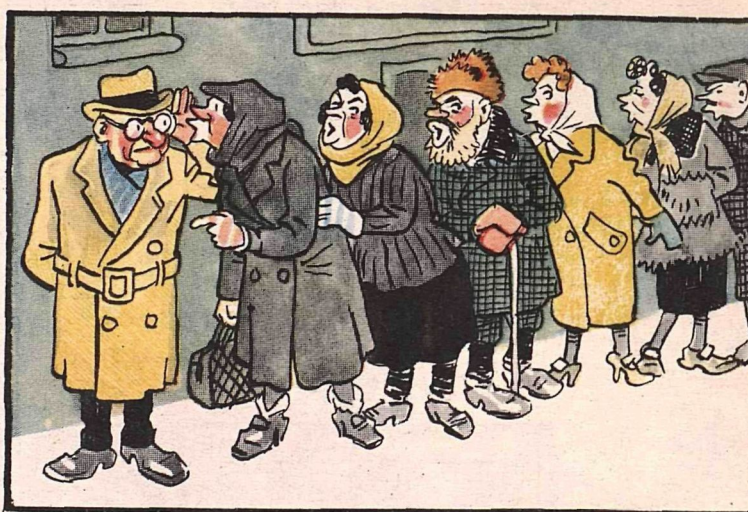
И молвил Черепанов:
— Если ты не примешь наших предложений, всю жизнь бродить тебе пешком...

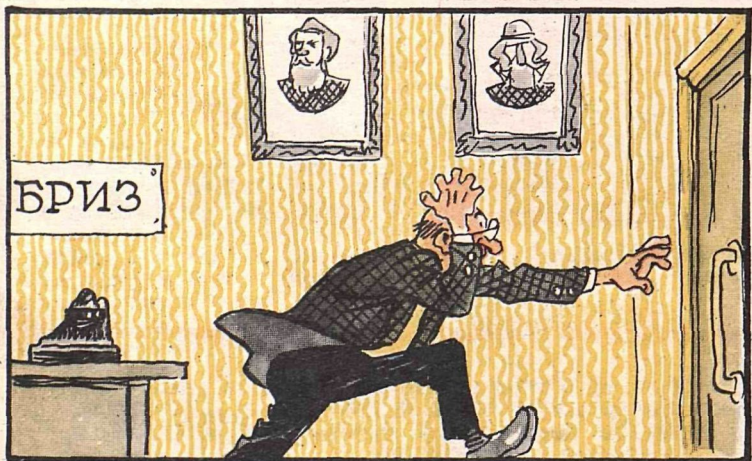
— ...и в крошечной тьме,— продолжил Яблочкин...

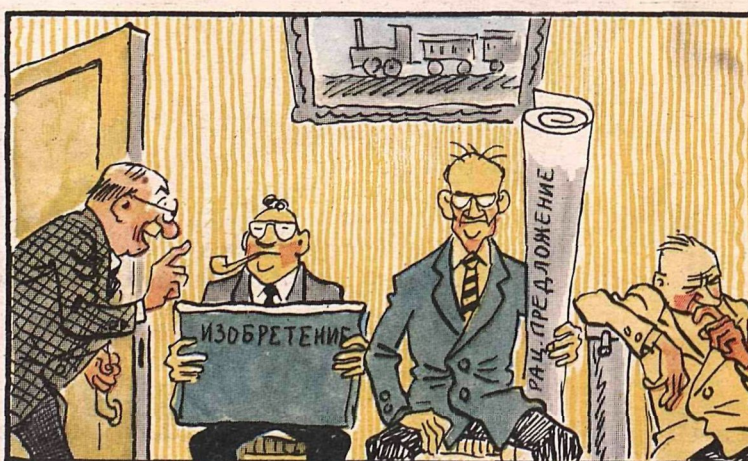
— ...Переписывать от руки классиков от Фонвизина до Кочетова,— сказал первопечатник Федоров.

— ...Пользоваться устными передачами,— закончил Попов.

— О боже, может, меня в приемной как раз и дожидается современный Кулибин! — воскликнуло, проснувшись, руководящее лицо.

Но, увидев рядовых изобретателей, сказала:
— Приходите завтра!